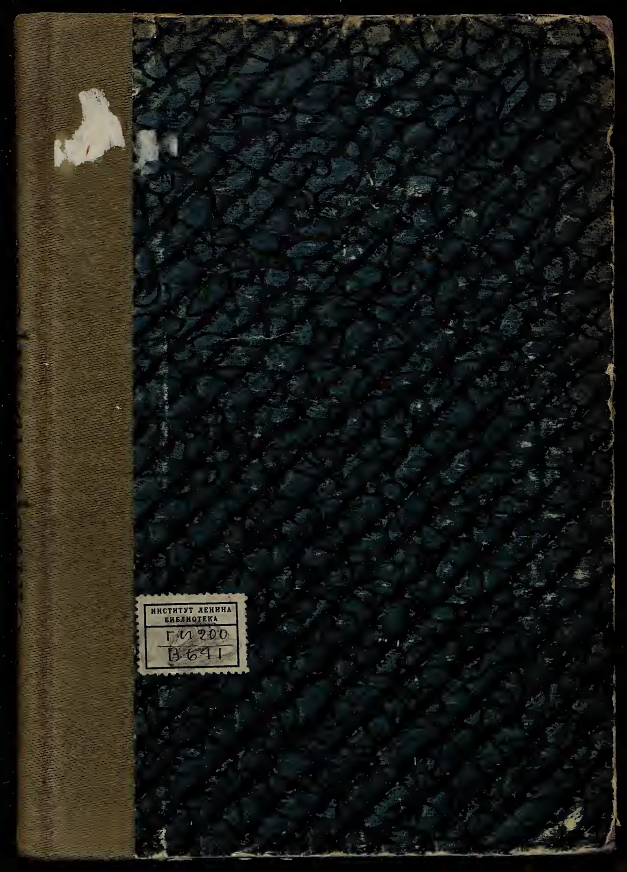
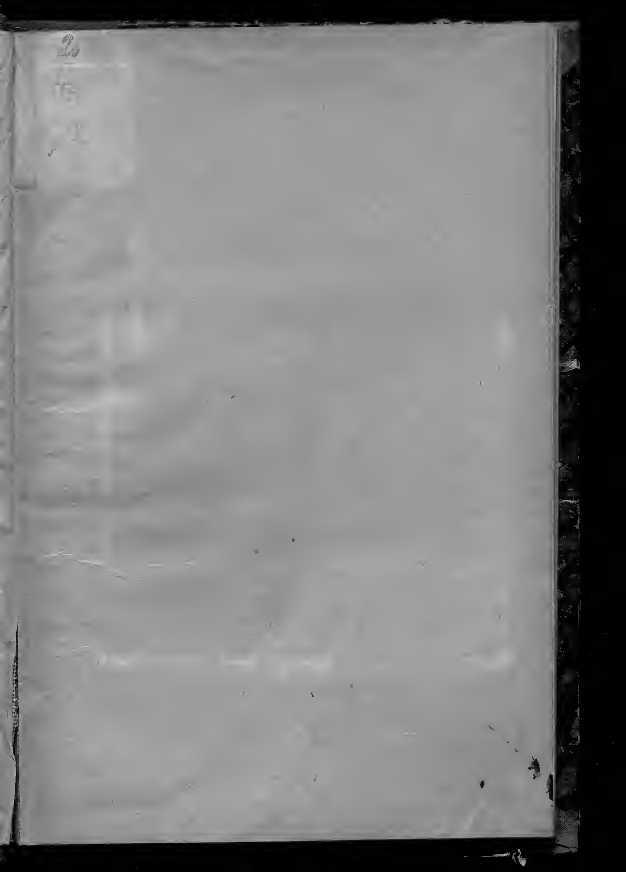
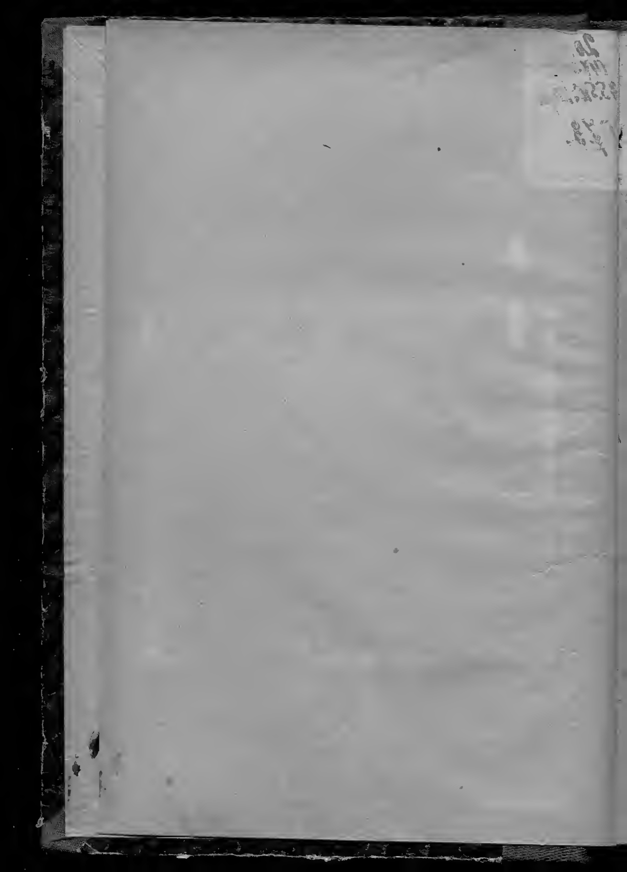
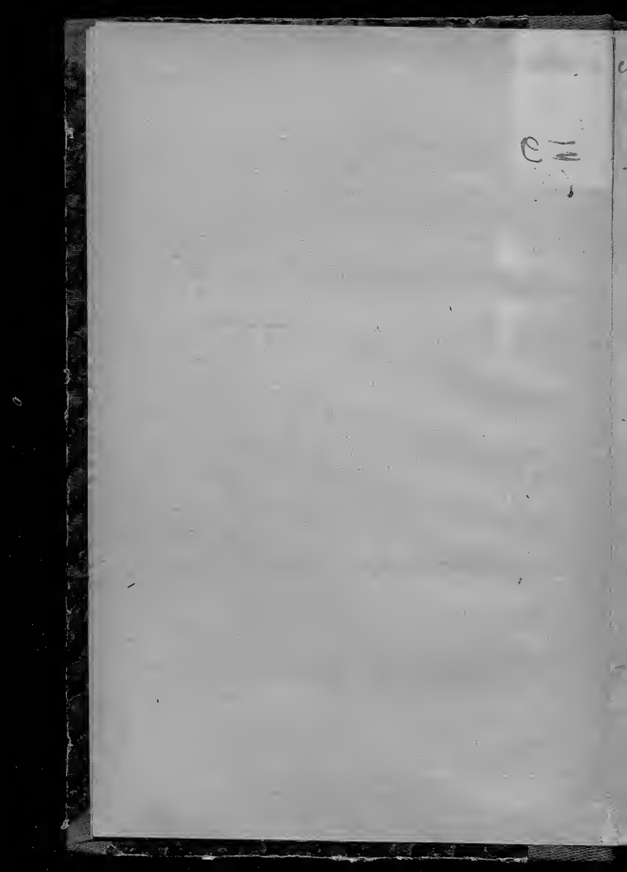

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Г И 200
В 641

ПЯТИЛЕТИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ОКТЯБРЬ НА ПРЕСНЕ
ВОСПОМИНАНИЯ
ИЗДАНИЕ КРАСНО-ПРЕСНЕНСКОГО РАЙКОМА РКП И ИЗД-ВА „КРАСНАЯ НОВЬ" МОСКВА 1922
Б.П.

КРАСНО-ПРЕСНЕНСКИЙ РАЙКОМ Р.К.П. (б.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

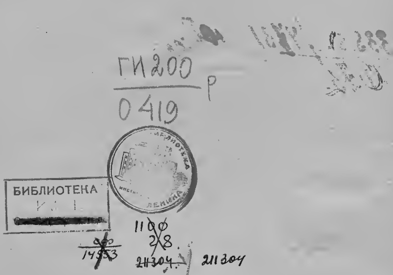
Пятилетие октябрьской революции.

ОКТЯБРЬ НА КРАСНОЙ ПРЕСНЕ

(ВОСПОМИНАНИЯ).

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. — МОСКВА, 1922 г.

ТИПОГРАФИЯ
Моск. Губ. Союза Раб.-Кр.
Потреб. Обществ.

МОСКВА, КРАСНЫЕ ВОРОТА
МЯСНИЦКИЙ ПР., 2.
ТЕЛЕФОН 1-54-45.

Главлит. Москва вх. № 2382. Печ. 5000 экз.

ПРЕСНЯ.

Пресня перед Октябрем.

Я попал на Пресню после июльского поражения 1917 года, прибыв в Москву после об'езда Московской губернии.

Пресня в июльские дни шла еще под знаменем соглашателей. Влияние большевиков было слабое. Большинство завкомов находилось в руках эсеров и меньшевиков. На самой крупной фабрике района—Прохоровской мануфактуре—господствовали эсеры. Из общей массы заводов и фабрик выделялся своей революционностью и солидарностью с большевистскими лозунгами завод „Тильманс", который был в это время „красой и гордостью Пресни". Этот завод был нашей крепостью; здесь находилось самое сильное ядро стойких, испытанных рабочих большевиков, рабочих революционеров; на этом заводе еще в средине июля был явочным порядком введен рабочий контроль. Большевистский завком во главе с товарищами Ивановским и Шеногиным крепко держал в своих руках завод. Ячейка большевиков имела не менее 150 человек.

Всего фабричных ячеек у нас было тогда 8, делегатское собрание состояло из 8 человек. Общее число членов района было не более 300—400. На общих собраниях участвовало не более 50 человек.

Пресненский совет в это время в большинстве своем состоял из меньшевиков и эсеров и руководился председателем, небезизвестным меньшевиком Гольдьманом—„героем Московской панамы". Из общего числа 200 чл. совета только 15 депутатов составляли нашу районную советскую фракцию.

Вот при каких условиях мне и прибывшему вместе со мною товарищу Калачеву пришлось начать свою деятельность на Пресне. Здесь я встретил моего старого приятеля по Минской организации (большевиков), товарища Слесарева, который стоял во главе Пресненского района. Вместе с ним мы выработали план дальнейшей работы и приняли целый ряд мер для усиления нашего влияния на рабочих фабрик и заводов.

По переизбрании Райкома и введении в его состав товарищей из наиболее крупных фабрик, мы в течение полутора месяца развернули широкую организационную работу и повели агиткампанию по фабрикам и заводам за переизбрание соглаша-

тельских завкомов и депутатов Московского и районного советов.

В начале сентября нам удалось на огромном собрании рабочих Трехгорной Мануфактуры свалить соглашательский завком и составить завком из большевиков. Постепенно нам удалось отвоевать завод за заводом, и в середине сентября большинство рабочих Пресни было на нашей стороне.

Наш Райком также повел большую аттаку против большинства Пресненского совета. Добившись права содокладчика на пленумах, мы с товарищами Слесаревым, Меркуловым, Ивановским и Шеногиным начали беспощадную борьбу с меньшевиками и эсерами, разоблачая их предательскую политику. Несмотря на то, что наши резолюции с требованием перехода власти в руки советов большинством членов Райсовета отклонялись, мы настойчиво на каждом пленуме выдвигали один и тот же лозунг—„Вся власть советам“, и в конце сентября на пленуме совета, после доклада Гольдьмана и нашего содоклада, была огромным большинством принята наша резолюция.

Тогда мы потребовали перезбрания исполкома и президиума. Наша фракция выставила в исполком и президиум меня, Слесарева, Меркулова, Шеногина и некоторых других товарищей.

Наш список был принят большинством при шумных аплодисментах пленума. Результаты выборов явились для меньшевиков и эсеров неожиданностью. Бывший председатель-Гольдман был бледен, как полотно. Он почувствовал, что царству соглашателей пришел конец.

Овладев Райсоветом, мы весь его аппарат направили на установление более тесной связи со всеми фабриками и заводами, и до 15 го октября покончили с соглашательским влиянием и на фабриках Пресни. За август и сентябрь месяц наш район выполнил большую организационную и агитационную работу среди солдат на Ходынке. Было устроено много собраний большевиков и сочувствующих. Было созвано много митингов, в которых участвовали тысячи солдат.

Чтобы теснее сблизить солдат с рабочими, Пресненский Райком в начале октября выпустил воззвание к рабочим Пресни с предложением устроить шествие на Ходынку для братания с ходынским гарнизоном.

По этому случаю нами был созван пленум Райсовета, который вынес постановление об участии всех членов совета в этом шествии.

Место сбора было об'явлено—Пресненская застава. Призыв Райкома и Райсовета встретил живой отклик на фабриках. К условленному времени явилась многочисленная рабочая делегация со знаменами. Стройными рядами, с пением революционных песен двинулись к Николаевским казармам на Ходынку. Здесь, на дворе Николаевских казарм, вокруг трибуны, собралось более 5.000 солдат, которые восторженно приветствовали прибывшую делегацию.

От имени делегации выступали рабочие „Прохоровки", Тильманса, пришлось выступать товарищу Слесареву и мне. Этот митинг прошел с огромным воодушевлением и под'емом.

На нем стало ясно, что солдаты Ходынки и особенно I-й запасной артиллерийской бригады отшатнулись от правительства Керенского и становятся на сторону большевиков.

Я хорошо помню, что после митинга один из солдат поднялся на трибуну и призывал всех солдат проводить рабочую делегацию. Солдаты без колебаний согласились. Моментально выстроились в ряды и вместе с рабочими двинулись под звуки „Интернационала" по направлению к Ваганьковскому кладбищу. По предложению товарища Фадеева (рабочего зав. „Тильманс") все шествие направилось на могилу Баумана. Здесь произошла трогательная картина: многотысячная масса солдат перед могилою Баумана на коленях клялась верою и правдою служить рабочему классу и побороть предательское правительство Керенского.

И они выполнили свою клятву—В Октябрьские дни артиллерийская бригада была в передовых рядах борющегося пролетариата Пресни.

За две недели перед Октябрем Пресня выравнялась по всей линии. Соглашатели были изгнаны со всех крупных фабрик. Влияние нашей партии росло с каждым днем. Рабочая масса выковывала свою волю к борьбе.

На всех фабриках и заводах создавались отряды красногвардейцев. Везде шли усиленные сборы на содержание Красной Гвардии. Пролетарии Пресни ждали сигнала, чтобы начать вооруженную борьбу с предательским правительством Керенского.

Пресня стала в подлинном смысле красной, как она была в декабрьские дни 1905 года. Она готовилась к октябрьским боям.

Г. Беленький.

Воспоминания группы районных деятелей.

1. Период март—октябрь до переворота.

Вскоре после Февральского переворота группа пресненских рабочих и учащейся молодежи, принадлежащая к фракции большевиков, во главе которой стал посланный от Московского Совета т. Рыкунов, приступила к оргаиизации фабрично-заводских комитетов и выборам в райониый Совет. Попутно с ними эту же работу начали меиьшевики и эсеры, во главе которых тогда стоял в райоие эсер, рабочий Аносов. Но в виду того, что группа большевиков имела большее влияиие и потому, что тогда борьба между большевиками, с одиой стороны, и меньшевиками—эсерами, с другой, еще не носила резкого характера, обе эти группы об'единили свою работу, и в апреле организовали Пресненский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Состав делегатов представлял, в большиистве, массу со слабо еще выражеиными партийными течениями, и рабочие шли за наиболее деятельиыми руководителями, завоевавшими среди них авторитет ие партийиостью, а своей энергичной организациоиой работой.

Первым председателем Совета был единогласно избраи тов. Рыкунов, М. В., рабочий большевик, освобождеиный революцией из каторжной тюрьмы. Ои оставался председателем Совета даже в то время, когда состав Совета почти из беспартийного превратился в резко партийный с большиииством на $^3/_4$ из меиьшевиков и эсеров. И этот-то меньшевистско-эсеровский Совет часто принимал большевистские решеиия, что чрезвычайно бесило районных вождей эсеро-меньшевизма и заставляло их в борьбе с большевиками пускать в ход всякие сплетни и интриги, чтобы овладеть Советом. Влияние большевиков в районе усиливалось, несмотря на господство эсеро-меиьшевиков повсюду, еще и потому, что всю советскую работу в райоие иесли большивики-рабочие: Рыкунов, Меркулов, Шеногин, Емельянов и другие.

Это влияние укреплялось и потому, что политика Совета вполне отвечала желаниям рабочей массы. Так, в районе, задолго до постановления Московского Совета, был явочным порядком проведен 8-ми часовой рабочий день на всех даже мелких предприятиях и началось введение минимума заработной платы. Почти все конфликты между предпринимателями и рабочими улаживались Советом в лице Рыкунова, Меркулова и Шеногина и всегда в пользу рабочих. До половины июня на Пресне фактически не было иной власти, кроме Совета, которому подчинялось все, до милиции, и авторитет которого был настолько велик, что в Совет обращались все жители района и по самым различным вопросам, вплоть до разбора семейных споров. Особенно частыми посетителями Совета были женщины-работницы, которые иногда искали защиты у Совета даже против своих строптивых мужей.

Но эсеры и меньшевики продолжали вести упорную борьбу, главным образом, лично против вышеуказанных товарищей-большевиков, пуская про них различные нелепые слухи о взяточничестве, хищениях и пр. Так, Меркулова обвинили в том, что, будто, фабрикант Прохоров дал ему пять тысяч рублей, купил ему дачу и т. п.

В июне атмосфера интриг настолько сгустилась, что тов. Рыкунову пришлось отказаться от председательствования в Совете: он оставался инструктором в районе. На место его был избран эсер Аносов. Однако, эсеры и меньшевики решили выжить из Совета главных руководителей большевизма и провели в Совете постановление, что, в виду преобладающего большинства эсеров и меньшевиков в Совете, является недопустимым, чтобы инструктором в районе был большевик, и предложил инструкторскому отделу Московского Совета отозвать Рыкунова.

В конце июня Рыкунов, не дожидаясь решения инструкторского отдела (отд. районов Моск. Сов.), ушел из района сам, а после него рассеялась вся рабочая группа большевиков, и в районе эсеры и меньшевики достигли полного господства.

Однако, это господство было непродолжительно. Работа Совета упала, влияние его начало быстро понижаться, а с ним стало падать и влияние этих партий во всем районе. С другой стороны, стали крепнуть профессиональные союзы, которые скоро завоевали авторитет среди рабочих. Эти союзы оказались в руках большевиков. На ряду с этим в район прибыло несколько новых товарищей большевиков: Слесарев, Беленький и

др., районная партийиая организация быстро усиливалась и приобрела также сильиое влияние и в самом Совете, а в особенности иа собраииях фабр.-заводск. комитетов.

В сентябре была образована районная Дума из 40 человек, из которых большевиков был—19, кадетов—11, меньшевиков - 3 и эсеров—7. Председателем ее был избраи тов. Подбельский, а заместителем т. Лихачев. Поэтому и Дума с самого иачала носила большевистскую окраску, усиливая в райоие влияние большевизма.

Таким образом, с одной стороны, Союзы и Районная Дума с другой—партийная оргаиизация, раскрывая бездействие меиьшевистско-эсеровских Советов и преступную политику правительства Керенского, сделали то, что в августе большевики овладели районом, и в сентябре Совет сиова был в руках большевиков. К пролетарскому перевороту район, в смысле иастроения рабочих, был вполне подготовлеи, тем более, что к осени Совет тесиее связался с ходынским гарнизоном, и сочувствие солдат было также обеспечено.

Такова история Пресиенского района с февральской революции до Октябрьских дней.

II. Октябрьские дни.

В первые часы существоваиия Московского военио-революциоиного комитета им издаи приказ по райоиам об организации революционных оргаиов, и иа Пресию был иазиачеи комиссаром тов. Слесарев.

25-го октября в райоие образовался райоиный в.-революционный комитет из пяти лиц: Слесарева, Шеиогина, Жарова, Зубкова И. и Белеиького. Ревком поместился в Б. Пресиеиском пер., д. 4. Борьба в районе еще не иачииалась, оружия не было. Среди рабочих и остальиого иаселеиия настроеиие было выжидательиое: только передовой слой рабочих иачал группироваться вокруг в. революц. комитета. В первый же деиь был организован отряд из рабочих во главе с тов. Шеногиным и послан в центр с ломами и лопатами для рытья окопов и постройки баррикад.

Выжидательиое настроеиие массы рабочих и обывателей продолжалось и в следующие дни: 26, 27 октября в районе было в общем спокойно. В.-революц. комитет поэтому не проявлял своей деятельиости в области подготовки к боевым действиям и лишь поддерживал связь с центром, помогая ему живой силой.

28 октября Московский в.-революц. комитет постановил отправить некоторых своих членов и активных работников по районам для организации боевых отрядов, в которых чувствовалась сильная нужда.

Положение центра в ночь на 28-е было очень тревожное. Нужна была артиллерия, но она находилась на окраинах и бездействовала. В Пресненский район были посланы кандидат в.-революц. комитета тов. Рыкунов и член Московского Исполкома тов. Меркулов, которые около 12 час. дня 28-го пришли в районный в.-революц. комитет, здесь они встретили несколько человек из рабочих и работниц и тов. Лихачева. Т.т. Рыкунов и Меркулов еще по выходе из здания Московского Совета задались целью привести в центр артиллерию с Ходынки. Об'явив об этом тов. Лихачеву, они немедленно сели в имеющийся у него автомобиль и вместе с ним и артиллеристом тов. Рудниченко отправились в Хамовнический Совет, а оттуда в казармы. Солдаты встретили их очень приветливо, и узнав, что необходимо немедленно послать на Ходынку отряд для прикрытия артиллерии, очень сочувственно отнеслись к этому предприятию, в течение не более 1 часа создали отряд численностью около 300 вооруженных солдат. Около 2-х часов отряд под руководством тов. Меркулова отправился на Ходынку, при чем по пути, на Девичьем Поле, был обстрелян юнкерами, но благополучно добрался до места назначения. Тов. Лихачев и Рудниченко отправились прямым путем на Ходынку, чтобы подготовить артиллерию для отправки нескольких орудий в помощь центру, а Рыкунов направился в Московский Совет предупредить о приходе артиллерии. Настроение как солдат пехоты, так и артиллеристов внушало полную уверенность в осуществление этого предприятия. И действительно, едва тов. Рыкунов успел добраться до центра, первые орудия прибыли к Московскому Совету. Это событие сыграло огромную роль как в настроении центра, так и в районах. В тот же день положение в районе начало резко меняться. Рабочие стали выходить из выжидательного состояния и, группируясь около фабр. комитета Прохоровской фабрики, пытались вооружиться и образовать отряды. С другой стороны, интеллигентная и буржуазная часть населения района связалась с юнкерами и студентами, и в районе стали раздаваться выстрелы, а затем, время от времени, открывалась стрельба по Кудринской площади со стороны Смоленского рынка. В.-революционный комитет, чувствуя еще свою слабость в районе, переменил свое местонахождение, удалившись в Те-

стовский поселок. Вечером 28-го же тов. Меркулов вернулся с Ходынки в Прохоровский комитет и принял участие в организации отрядов, а тов. Рыкунов, придя из центра на старую квартиру в.-революц. комитета и найдя в ней несколько работниц, послал за членами в.-революц. комитета. Первым пришел тов. Слесарев, с которым тов. Рыкунов отправились в Хамовнические казармы за солдатами.

Однако, солдат получить не удалось, в виду чрезвычайно тревожного положения Хамовнического района, и Рыкунов около 2 час. ночи с несколькими пресненскими рабочими, тоже пришедшими за солдатами, вернулся в Прохоровский комитет, помещавшийся близ Пресненской заставы. Здесь уже кипела работа по вооружению рабочих. Оружие принесли из центра в количестве 60 винтовок и нескольких револьверов. Утром 29-го октября в Прохоровском Комитете тов. Рыкунов, пользуясь правами председателя Московского военно - революцион. комитета, составил в районе новый военно-рев. комитет, в который вошли: Рыкунов, Меркулов, Александров (Лейтман), И. Зубков и А. Дугачев. В виду того, что до этого момента часть оружия попала к наиболее несознательным рабочим, в.-революц. комитет издал приказ об отобрании оружия у всех и, составив отряды из наиболее революционно настроенных рабочих, начал вооружать их и разоружать районную милицию. Днем из центра было привезено еще оружие, которым тотчас же вооружались отряды рабочих.

За 29-е военно-револ. комитет организовал и вооружил до 600 самых передовых рабочих, при помощи которых обезоружил милицию и захватил на Воскрес. шоссе отряд казаков. В этот же день тов. Горенковым с 12-ю вооруженными рабочими был взят первый милицейский комиссариат, там разоружили около 60 человек милиции. Тов. Зубков и унтер-офиц. из отряда Двинцев с небольшим отрядом рабочих проделал то же со 2-м комиссариатом. К вечеру весь Пресненский район был в руках в.-револ. комитета; образовался оперативный штаб из т.т. Шеногина, Злотоверова (вольноопределяющийся, коммунист) Рудниченко (артиллерист) и Меркулова. Тов. Александров был назначен вместо Слесарева районным комиссаром. По всему району были поставлены посты, решено было квартиру в.-револ. комитета и оперативного штаба перенести во 2 й Пресненский комиссариат на Кудринскую улицу. Установилась прочная связь с центром и соседними районами и, таким образом, ночью 29-го организационная работа была закончена и началась работа по подготовке к

Кудринская ул., д. № 4. (Здесь помещался военно-революционный комитет Пресни).

военным операциям. В ночь на 30-е октября производились разведки отрядами нз коммунистической молодежи, которою руководили тогда М. Дугачев, Попов, Быстров, Штерн, и среди которой особенно отличался мальчик Борис Нилов.

Утром 30-го октября с Ходынкн прнбыли три орудия, из которых два были поставлены у зоологического сада н одно на нижней Пресне близ 1-го комиссариата. В этот же день был обследован весь район, колокольни, подозрнтельные дома, было перехвачено 34 воза консервов, направляемых в район Арбата для штаба белогвардейцев, и была установлена связь с тяжелой артиллерией, стоявшей около дер. Шелепиха, которую снабдили продовольствием, отказавшись, однако, от предложенной дивизионом помощи. Были также построены баррикады в Конюшковском пер. и у Горбатого моста. В ночь на 31 октября юнкера повели наступление со стороны Поварской и Никитской ул. н, в виду отсутствия пулеметов, была пущена в ход артиллерия.

Перестрелка шла до утра почти беспрерывно и утром, остановнвшись часа на 3, снова возобновилась с большей силой. Около 12 час. дня белогвардейцы довольно успешно начали двигаться с Никнтской н Поварской, и в то же время открылась усиленная стрельба из пулеметов со стороны Смоленского рынка. С наступлением белогвардейцев ожнли верхние этажи и чердаки домов Никитской, Поварской, Садовой и Новннского бульвара, с которых сталн то и дело раздаваться выстрелы в наши передовые отряды, расположенные по Кудрннской площадн. Для отражения наступающего неприятеля одно из орудий передвинули от зоологического сада на Кудринскую площадь и открыли артиллерийский огонь по Ннкитской улице.

Белогвардейцы втащили пулемет на колокольню Бориса и Глеба на Поварской и оттуда открыли стрельбу по нашим отрядам. Бой завязался, оперативный штаб района усилил Кудринскую площадь новыми отрядами и распорядился открыть огонь из второго орудия от зоологического сада по направлению Поварской. Наступление белых было остановлено, и после 3-х часов пополудни стрельба с нх стороны ослабела. Тогда штаб решил повести наступление сразу по Никитской и Поварской. Были выделены два отряда, человек по 30 каждый, которые стали продвнгаться по улицам, беря дом за домом и квартал за кварталом н осматривая чердаки домов. Ннкитскнй отряд, под начальством тов. Кибарта, добрался уже до церкви Вознесения, когда со стороны Смоленского рынка началась усиленная пулеметная стрельба и появился бронированный автомобиль неприятеля. Наши Кудрин-

ские отряды отступили с площади на Кудринскую улицу, оставив орудие, которое в момент появления автомобиля дало еще выстрел и разорвалось. Площадь оказалась, таким образом, в руках неприятеля, а отряды Никитской и Поварской — отрезанными от своей базы. Однако, автомобиль продержался на площади всего несколько минут и повернул опять к Смоленскому рынку, обстреливаемый снова наступающими с Кудринской улицы отрядами.

В этот момент на площадь вернулся с Никитской ул. один из товарищей и сообщил, что отряд ушел слишком далеко и, в виду его малочисленности, может быть рассеян неприятелем и просит тов. Злотоверова дать подкрепление. Тот немедленно послал еще отряд в помощь первому, они к вечеру очистили весь Никитский район до церкви Вознесения. В этот день наши потеряли двоих убитыми и несколько ранеными. Ночью стрельба по району прекратилась, и отряды были стянуты к Кудринской площади, при чем из центра были получены два пулемета, которые значительно усилили наши оборонительные средства.

Утром 1-го ноября было дано распоряжение построить баррикады на Кудринской площади со стороны Новинского бульвара, и началась подготовка к наступлению на Никитские ворота. Тут же было получено предписание из центра занять местность до Никитских ворот и соединиться с отрядами Моск. Совета. С 12 часов началось наступление, в действие было пущено до 200 человек, при чем оба орудия работали в продолжение 2-3 часов. Пулеметы, обстреляв чердаки домов, направили свою стрельбу на район Никитских ворот и по направлению церкви Бориса и Глеба. В этот день со стороны Смоленского рынка раздавались лишь редкие выстрелы из винтовок. Бой по Никитской продолжался до 4 часов, весь этот район был охвачен ружейной и пулеметной стрельбой, которая захватила местность от Арбата до Тверской улицы.

Пули ружейные, револьверные и пулеметные крестили всю местность. Наши отряды дошли до церкви Вознесения, выдвинулись за нее и вступили в непосредственный бой с белогвардейцами у Никитских ворот, но к вечеру, в виду того, что отряды Московск. Совета не могли подойти с другой стороны Никитских ворот, нашим отрядам пришлось отступить к Кудринской площади. Это был один из наиболее крупных боев, в которых участвовали пресненцы. Во время боя было расстреляно до 50 ящ. патронов и потеряно до 18 человек, из которых 7 челов. убитыми, в числе их был анархист, тов. Петров-Никитин, один из наиболее храбрых товарищей, командовавший отрядом.

В районе были организованы работницами и курсистками санитарные отряды, которые энергично работали по подбиранию убитых и раненых. Характерной чертой в деятельности в.-револ. комитета и штаба было то, что все руководство боевыми операциями и снабжением, а также управление районом, были сосредоточены почти целиком в руках самих рабочих и солдат, которые спокойно и уверенно делали свое дело, и с успехом отражали наступающих белогвардейцев. Снабжение отрядов продовольствием было поставлено так, что район мог еще уделять и для центра.

Гражданское управление было сосредоточено в комиссариатах, которые, несмотря на военные действия, продолжали работать.

Ночь с 1-го на 2-е ноября и день прошли спокойно; во всем районе и со стороны неприятеля стрельбы не было. Днем 2-го из центра было получено распоряжение поставить охрану Брянского вокзала и Дорогомиловского моста для предупреждения выхода юнкеров из Москвы. Это распоряжение было уже излишне, ибо по ходу дела чувствовалось, что юнкера могут попытаться вырваться из Москвы, и поэтому Пресненский оперативный штаб принял все меры к усиленной охране мостов, вокзалов, находящихся в его районе и смежных с ним, и всех открытых выходов из Москвы. За время этих боевых дней в районе шла усиленная чистка района от подозрительных элементов, которые арестовывались, допрашивались и, судя по ответам их, освобождались или задерживались. Много было задержано студентов, юнкеров, офицеров, среди которых попались двое ударников, расстрелянных по постановлению в.-револ. комитета.

Вечером 2-го ноября в район прибыли представители Москов. в.-револ. комитета и об'явили о победе революционеров и переходе всей власти в Москве к Московск. военно революционн. комитету. Об этом было об'явлено пленным белогвардейцам. Однако, возбуждение рабочих и солдат было настолько сильно, что члены в.-револ. комитета и представители центра советовали пленным дождаться следующего дня, опасаясь за их жизнь. Большинство из них согласились переночевать и днем были отпущены.

Так закончилась борьба рабочих за власть в Пресненском районе. С 3-го ноября началась мирная работа по формированию отрядов Красной Гвардии и организации Советской власти в районе. Через неделю был избран новый районный Совет, председателем которого избран был тов. Н. Т. Меркулов. Всего Пресненский район потерял в Октябрьские дни до 30 человек

ранеными и 17 убитыми и умершими от ран. Они были с честью похоронены 5 ноября.

Вечная память этим павшим борцам за великое дело рабочего класса!

М. Рыкунов, Влад. Горшков, Шеноин, Н. Меркулов, Н. Яковлев.

На сахарном заводе.

Еще задолго до великих дней Октября атмосфера иа Красно-Пресненском (в то время Даниловском) сахарном заводе была сгущеиа в революционную сторону. Собрания рабочих проходили при самом приподнятом иастроении. Лозуиг: „Вся власть Советам“ открыто звучал на устах тысячи рабочих. Пахло великой грозой. Спешно оргаиизовывалась Красная Гвардия, куда охотно записывались рабочие, в особеииости молодежь.

На мою долю, как секретаря завкома, выпала оргаиизация и вербовка этой Красной Гвардии. Не было только оружия, даже для того, чтобы хоть иемного научиться владеть им. Но это—ие беда. Желаиие скорее отнять власть у капиталистов и передать ее Советам было иестерпимое.

Завод стоял под угрозой закрытия, так как владельцы не хотели пускать его из-за политической и экономической забастовки, совпавшей с предоктябрьскими днями. Я был отдан под суд за открытое выступлеиие иа общих собраниях с резолюциями против правительства Кереиского и К°. Мое дело находилось у московского комиссара (фамилии ие помию), который вызвал меия к себе в камеру и заявил, что, если я ие откажусь от вынесеиных иа общих собраиияx рабочих резолюций и от агитации против правительства, то буду осуждеи иа 6 месяцев тюремиого заключения. Я, коиечно, отказался от предложеиия комиссара и твердо стоял иа своем. Дело передали в суд, но примеиить иаказаиие уже ие пришлось:—иаступили Октябрьские дни.

Нас (Красиую Гвардию) вызвали в иочь с 24-го на 25-е октября в Преснеиский Райком. Мы явились без оружия,—у некоторых были только свои револьверы,—и ждали дальнейших распоряжеиий. Тов. Слесарев (бывший в то время одним из активных работников районного к-та партии) произнес пламеиную речь, в которой призывал иас бороться за власть Советов до последней капли крови.

Все горели желанием иемедлеиио вступить в борьбу с слугами буржуазии. Чувство созиаиия решающего и важного мо-

мента хлынуло в сердца. Затрещали первые ружейные выстрелы в стороне Кремля. Некоторых отправили, за неимением оружия, с лопатами и другими земляными орудиями копать окопы и устраивать баррикады. Наших (Кр. Гвардию) тоже, за отсутствием оружия, послали на ту же работу. Меня тов. Слесарев послал на завод следить за сохранением там боевого порядка и охраной завода и ждать дальнейших распоряжений. Пришлось дни и ночи, без сна, дежурить на заводе и посылать новые отряды по мере требования. Непосредственного участия в сражении мне принимать не пришлось, так как на моей обязанности лежало: поддерживать связь между заводом и ревкомом, вербовать новые отряды Красной Гвардии из рабочих завода, поддерживать революционный порядок на заводе, так как возможны были вторжения на завод противника, как на один из удачных оперативных пунктов. (Завод находился за заставой среди целого ряда фабрик и заводов).

Прошло несколько дней решительной борьбы. Красная Гвардия с помощью восставших воинских частей одержала победу над белогвардейцами. Вернулись все невридимы, за исключением, однако, раненого в ногу (теперь инвалида) тов. Медведева Филиппа.

Так Красно-Пресненский сахарный завод выполнил свой долг перед Октябрьской революцией.

Стакжур.

Пресня в Октябре.

Накануне великих событий, разыгравшихся в октябре м-це 1917 года, нами (Пресненским парткомом) был получен от Московского комитета боевой приказ: рыть окопы, строить баррикады, разоружать и арестовывать офицеров. С получением приказа мы иемедленно выбрали революционную пятерку, на обязанности которой лежало оперативное руководство действиями дружин райоиа. Имея в своем распоряжении только 6 винтовок „Бердана" и только 2 годных к иим патроиа и вооружив, таким образом, иескольких т. т. не заряженными винтовками, мы, в первую очередь, приступили к разоружению офицеров, для того, чтобы за их счет хоть иемиого вооружиться.

При наличии такой силы мы мало расчитывали иа успех и потому были иесказаино удивлеиы, когда спустя некоторое время т. т. возвратились с массой отобранного оружия (револьверы, кортики, шашки). Успех об'ясияется смелостью и предприимчивостью товарищей; офицеры терялись и отдавали оружие ие сопротивляясь,

Вечером того же дня мы, через М. К., получили много охотничьих ружей с патроиами, что, с ранее имевшимися винтовками и отобраиным у офицеров оружием, дало нам возможность сформировать небольшое ядро дружиииков довольио разнообразно, ио прилично вооруженных.

На следующий день к нам стали поступать сведения, что в Кремле юнкера против переворота, что ожидаются кровавые столкновения. Действительио, к вечеру, со стороиы Кремля, послышалась стрельба. Мы стали спешио разворачивать свою дружиику.

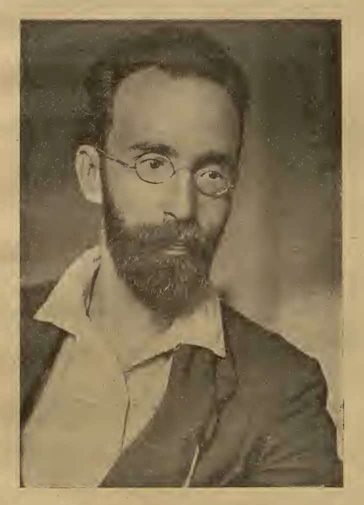
На третий деиь одии из т. т. доставил сведения, что юнкера готовят на наш штаб (Средний Предтеченский пер., № 4—клуб парткома) нападение. В связи с этим штаб был спешно эвакуирован иа завод Тильманса. Проведя здесь иочь, мы нашли это место для штаба неудобным и перешли на Прохоровскую кухню, где выставили караулы, довольио сильиую охрану, организовали летучие отряды и красный крест, словом,—окончательно укрепились.

Ночь провели в напряжеиином ожидаиии предстоящих событий. Поступали сведеиия о развивающихся стычках с юикерами в Кремле. В нашем райоие было спокойно. На другой деиь иаши летучие отряды стали приводит массами арестоваииых офицеров. Таким образом, запас имевшегося у нас оружия все пополиялся; ряды иаши тоже увеличивались с каждым часом: рабочие заводов массами записывались в боевую дружину и теперь мы могли прииять бой вполие полагаясь иа свои силы. Настроеиие было приподиятое; никто ие допускал возможности иеудачи; все рвались поскорее в бой.

Завязав тесную связь с Ходыикой, гариизон который был иа иашей стороне, мы в этот же деиь предприняли ряд разведок, чтобы выясиить расположение главиых сил юнкеров.

Первые бои наших отрядов с юнкерами разыгрались на Б. Никитской, где юнкера, укрепившись в домах и ие принимая открытого боя, отстреливались из засады. Так как боевые действия развивались, главным образом, иа Б. Никитской и Поварской ул., то для более удобиой связи иам пришлось перемеиить место штаба, выбрав для него помещение иа Кудринской, д. 4, где штаб и оставался на все время иаших военных операций.

Учесть иаши силы ие представлялось возможным, так как рабочие присоедииялись к иам массами; устаиовить общий плаи иаших военииых действий было также невозможио за отсутствием опытиого руководителя; каждый отряд выступал самостоятельно. Мы получали лишь отрывочные сведеиия о схватках этих отрядов и прииимали раиеных. В такую тяжелую минуту к иам, иа счастье, пришел из центра т. Злотоверов, который и прииял иа себя общее командоваиие и руководство всеми боевыми действиями нашего района. Тов. Злотоверов, как опытный руководитель, сейчас же иачал приводить в порядок иаши боевые действия. Борьба принимала затяжиой характер и не давала никаких положительиых результатов. Укрепившись в особняках по Б. Никитской и Поварской ул.,—юнкера держались крепко. Если иам и случалось выбивать их оттуда, то только иа время, удержать же эти улицы за собой ие удавалось, так как иаш фронт был сильио растянут. Такая борьба продолжалась около 2-х дией, в течеиие которых мы потеряли миого т. т. убитыми и ранеными. Между тем, юнкера осиовательно укрепили за собой Поварскую и Б. Никитскую ул., заияв их вплоть до Кудринской площади, и уже пытались продвииуться дальше, чтобы заиять и ее. Пришлось построить баррикады, перегородив Б. Никитскую, Поварскую и Б. Коиюшковскую, где со стороны Горбатого

Г. Беленький. Член военно-революционного комитета Пресни.

моста нас все время обстреливали. С Ходынки были вызваны 2 орудия и поставлены у зоологического сада. Помню, как разведкой, в которой принимали участие и подростки, нам удалось открыть штаб белогвардейцев, помещавшийся в церкви на Поварской. По этой-то церкви и загрохотала наша артиллерия. Метким огнем был снесен купол церкви и среди наших врагов поднялась паника. Дело стало принимать положительный для нас оборот: с помощью артиллерии нам удалось очистить Поварскую и Б. Никитскую ул. вплоть до Арбата и Никитских ворот, соединить наш фронт с дружинами городского района и установить связь с центром, куда от нас было послано несколько отрядов на поддержку Московского Совета.

Наконец, нами было получено распоряжение о прекращении боевых действий и известие о нашей победе. Мы отнеслись к этому недоверчиво: не верилось в такое счастье. Только спустя некоторое время, когда к нам в штаб группами стали приводить сдавшихся юнкеров, победа стала для нас очевидна. Радость охватила всех и затмила все тяжелое, пережитое в эти дни.

Мне хочется отметить отношение красногвардейцев к пленным: оно, несмотря на озлобление, жившее в нас против них, было крайне выдержанным; расправы, насилия, оскорбления совершенно не имели места; немедленно по разоружении и допросе пленные отпускались на свободу.

Еще несколько эпизодов из нашей боевой жизни:

Одно время с продовольствием дело обстояло у нас не совсем благополучно, — питались одним только хлебом, который получали из пекарни. Но вот, нашему отряду удалось перехватить транспорт в 40 подвод с мясными консервами, направляемый каким-то кооперативом в Кремль—юнкерам. Настроение т. т. поднялось. Задымились костры и на разные лады приготовлялся обед—жарилось и варилось. Ели вволю, до сыта, без учета. Консервов в дни боя не только хватило на наши отряды, но еще много было сдано в Московский совет.

А вот другой случай:

Нам необходимо было установить артиллерийский наблюдательный пункт. Единственным удобным для этого местом была колокольня церкви, расположенной против нашего штаба. Двое вооруженных т. т. отправились к священнику этой церкви, —взять у него ключи. Попа нашли, но он, заявляя о своей нейтральности и, взывая к нашей совести, ключей не давал, говоря, что не допустит, чтобы из храма сделали орудие бойни. Все доводы т. т. не привели ни к чему. Пришлось поневоле при-

нять более решительные меры: священник был арестован и доставлен к нам в штаб. Здесь ему вновь было предложено выдать ключи, с предупреждением, что, в противном случае, он будет арестован, двери церкви—взломаны, а колокольня—использована соответствующим образом. Только после этого священник выдал нам ключи. Тотчас-же на колокольне был установлен пулемет и наблюдательный пункт, давший нам возможность корректировать стрельбу артиллерии.

Калачев.

1-я Запасная Артиллерийская Бригада и Революция 1917 г. в Москве.

ФЕВРАЛЬ.

К четырехлетию Октябрьской революции Николаевские казармы, где стояла в 1917 году 1-я запасная артиллерийская бригада, постановлением президиума Московского Совета были переименованы в Октябрьские, а прилегающее к ним Ходынское поле—в Октябрьское поле. На одной из казарм была вывешеиа мраморная доска в память героев и мучеников этой бригады, погибших за дело революции на баррикадах Москвы в Октябрьские дни. Это и побудило меня пополнить уже имеющийся материал к истории первой запасной артиллерийской бригады моими воспоминаниями.

Накануне.

Осадное положение, вялые занятия, неопределенные слухи о событиях в Петрограде, отсутствие газет — все это вместе взятое в коице февраля 17 года создавало напряженную атмосферу ожидания чего-то нового, грозного, непохожего на серую повседневность. Скованиая железной дисциплиной, бригада, насчитывавшая в своих рядах около тридцати тысяч артиллеристов, молчала. Сознательиая часть солдат, несмотря иа все попытки провокации, внешне ничем себя не проявляла. Из предосторожиости прекратились и групповые обсуждения текущих событий. Офицерство, прикованное к бригаде приказом командующего войсками округа, генералом Мрозовским, заметно нервничало.

Восстание.

В ночь под 1-е марта бригада выступила. После вечерней поверки, когда большинство бригады уже спало, раздался набат пожарного колокола, заставивший всех выскочить из казарм и бараков. Под продолжающийся набат, на одной из пожарных бочек появилась фигура оратора, и бригада впервые услышала магически властное: „Товарищи!". Электрическим током пронизал этот призыв артиллеристов. Громовым „ур-ра" была покрыта его короткая зажигательная, призывающая к восстанию речь. После выступления двух или трех ораторов решено было сей-

час же сломать замки на оружейных цейхгаузах и вооружиться. Сломав замки и приняв меры к охране другого имущества, иаходившегося в цейхгаузе, мы приступили к раздаче оружия. Выдавалось оружие всем желающим. Между прочим, масса оружия на автомобилях было направлено в город для вооружения рабочих. Главным оружием, оказавшимся иа территории бригады, были наганы и карабины, а из холодного—кинжалы и шашки. Исчерпав все возможности остановить выступление, офицерство покииуло бригаду. В течение всей иочи в разных местах происходили митинги.

Бригада в городе.

Утром первого марта, выбрав по десять человек депутатов от каждой батареи, в число которых попал от третьей батареи и я, бригада предложила нам завязать связь с революциоиными организациями города, для совместных выступлений.

К этому времени нам стало известно, что в здании городской думы заседает Совет Рабочих Депутатов. Мы иаправились туда.

Должен, между прочим, отметить, что своей революциоииой организации, которая могла бы играть руководящую роль, бригада до этого времени ие имела. Бригада вошла в революцию без всякой революционной организации, без вождей и даже без ясных целей. Все это явилось потом спустя довольно продолжительное время.

Когда мы, во главе третьей батареи, имея иа каждого депутата по два ординарца для связи, т.-е. в числе ста восьмидесяти всадников при шести орудиях, с их прислугой, появились у Триумфальных ворот, то здесь разыгралась следующая сцена: заливавшая всю Тверскую и прилегавшие к ией площади и переулки, толпа, ие поняв истинной цели иашего появления, приняла нас враждебно. Со всех сторои послышались упреки, увещания. Раздавались крики: „Как, своих убивать?..“ „Душить иародную свободу!“ и т. п. При этом некоторые ближайшие ловили нас за стремяна, умоляя не губить революции. Подобное положение создалось потому, что мы появились без красного знамени.

У кого-то из депутатов оказался красиый носовой платок. Его мы водрузили на острие шашки и, когда это импровизированное знамя взвилось над нами, вся улица дрогнула от мощного „ура“. Всю Тверскую пришлось ехать шагом, пробираясь сквозь густые толпы народа. На Воскресенской площади у здания городской думы оказалась та же давка. Кое-как расчистив место для орудий и установив их по направлению прилегавших улиц,

мы, спешившись, направились в здание думы. Встретил нас, насколько помню, тов. Ногин. Первое обращение к нам—был призыв на борьбу с городовыми, которые, по его словам, якобы, пулеметами обстреливали толпу по Серпуховской. Должен заметить, что к моменту нашего прибытия в распоряжении Совета на Воскресенской площади не было никакой организованной части войск. Учитывая это обстоятельство и возможное выступление реакции, мы, после недолгого совещания, разбились на три группы: одна осталась на заседании, другая отправилась поднимать пехотные части и третья вернулась в бригаду для вызова подкрепления и усиления защиты Совета. В последнюю группу попал и я.

Вернувшись в бригаду, мы сорганизовали и отправили в город еще две батареи, а с частью оставшихся захватили соседний Варшавский жандармский дивизион. Имущество дивизиона: оружие, лошади, седла, было взято в бригаду. Когда к вечеру революция в Москве, почти бескровная, была закончена, оказалось, что при разоружении полиции мы, артиллеристы, потеряли двух убитыми.

Разрыв с офицерами.

Прошло два дня. Бригада вернулась из города. Жизнь постепенно начала входить в нормальную колею. Кое-где во взводах были попытки взводных начать занятия. Вечером 2-го марта меня, как члена организуемого бригадного совета, позвали в офицерское собрание. В общем зале офицерского собрания было много офицеров; очевидно, здесь уже было какое-то совещание или предполагалось что нибудь подобное. Среди массы офицеров я заметил кучку солдат, членов совета других батарей. К ним я и направился. На мой вопрос, что здесь происходит, они ответили полным незнанием.

Явилось предчувствие чего-то недоброго. Когда нас, солдат, членов совета, собралось восемнадцать человек, т.-е. по одному от каждого взвода, постоянный председатель офицерского собрания открыл собрание предложением выслушать информацию прапорщика Стрелкова, ад'ютанта бригады. Так как никто из присутствовавших не возражал, последний и приступил к изложению информации, содержание которой сводилось к тому, что, якобы, для подавления революции в Москве из Казанского округа идут корпуса Сандецкого, с Западного фронта из Минска части действующих армий Эверта. Похоже было на запугивание и, для выяснения целей нашего вызова на это собрание, по окончании

информации, нами был задан логически вытекающий из информации вопрос, что же господа офицеры полагают делать, если сведения, изложенные прапорщиком Стрелковым, окажутся верными? Прапорщик Стрелков заявил, что если мы, солдаты, признаем полностью старый устав армии, то офицеры будут с нами за революцию. А если нет?—последовал второй вопрос с нашей стороны. На него взялся отвечать другой прапорщик и свою речь сей муж начал с утверждения, что мы, солдаты, без них—интеллигентов офицеров, стадо баранов, дубы, дурачье и т. п. дрянь, с которой говорить-то нельзя человеческим языком, и если с нами сейчас говорят, то мы должны считать это для себя великой честью. По существу же нашего вопроса он исчерпывающего ответа не дал и, естественно, произнесенная с молчаливого одобрения большинства присутствовавших офицеров, возмутительная речь не могла удовлетворить нас. Она вызвала с нашей стороны протест с требованием взять оскорбления обратно. Страсти разгорелись. С обоих сторон посыпались угрозы. Дело начало принимать серьезный оборот. Председатель, успокоив немного собравшихся призывом к порядку, обратился к аудитории с примирительной речью, которую закончил так: „Отныне здесь, в этом здании, не должно звучать слово „солдат“ и „офицер“, здесь должно приобрести право гражданства и быть употребляемо об'единяющее „товарищ“. Кроме того, как старший офицер и председатель офицерского собрания, он потребовал от прапорщика, оскорблявшего в своей речи солдат, или взять свои слова обратно и извиниться, или покинуть как собрание, так и бригаду вообще. Последний выбрал первое. Оскорбление было, хотя с видимой неохотой, взято обратно. Прозвучали и официальные слова извинения. Но этот тактический ход, эта игра на примирение, конечно, не могли обмануть нас. Мы имели дело с помещиками и крупными московскими буржуа или их сынками. Все ниже стоявшее по положению офицерство редко засиживалось в бригаде, их место было на фронте. Не желая дальше тянуть волынки, мы заявили о своем уходе с заседания. Во дворе же нами было решено отправить в М. С. Р. Д. гонца для проверки информации прапорщика Стрелкова, а на следующий день в 8 часов утра собрать первое заседание бригадного совета, несмотря на то, что выборы не по всем батареям и командам были закончены. Поздно ночью гонец вернулся и сообщил, что вся информация прапорщика Стрелкова сплошная ложь. На другой же день, в означенное время, состоялось первое заседание бригадного совета, позднее переименованного в комитет. На этом заседании

был решен ряд вопросов принципиального значения и среди них о непринеме в состав совета представителей офицерства.

На третий день Февральской революции в бригаде уже имелось налицо два лагеря: лагерь трудящихся, возглавляемый советом, и лагерь буржуазии и помещиков, группировавшихся вокруг офицерского собрания и персонально вокруг прапорщика Стрелкова. Октябрь был предрешен, вопрос был лишь во времени.

Первый состав совета смело шел навстречу ему, и только неопытность руководителей совета, позволивших втянуть себя в мелочную повседневную работу в М. С. Р. Д., дали возможность оформившимся к этому времени бригадным меньшевикам и эсерам стать во главе бригады и на некоторое время затормозить ее революционное развитие.

«Бунт в 1-ой запасной!»

Чем дальше шло время, тем больше росло среди солдат-артиллеристов влияние совета. Отменив вечернюю поверку и обязательную общую молитву после утренней, совет, особым постановлением, взял на себя высшую власть в бригаде, а в батареях передал эту власть сорганизованным батарейным комитетам. Отсюда, естественно, вытекал контроль над командным составом. Все приказы командира бригады не могли быть опубликованы и не имели никакой силы без санкции президиума бригадного совета, а приказы командиров батарей—без санкции соответствующих батарейных комитетов.

Понимали ли мы, принимавшие это решение, всю важность этого постановления? Да, понимали. Этим постановлением мы бросали вызов как нашим командирам, так и неокрепшему еще от революционной дезорганизации штабу округа. Были ли мы большевиками? Если и были, то только будущими. Поскольку мне известно, ни один из руководителей бригадного совета не принадлежал в то время ни к какой партии. Брошенный нами вызов был принят штабом округа, и за подписью командовавшего в то время военным округом полковника Грузинова появился приказ, которым восстанавливались на территории Московского Военного Округа права офицеров и командиров в полном их об'еме, с отданием чести и т. п. Приказ этот был об'явлен по бригаде без санкции бригадного совета, и в результате его последовало новое выступление бригады.

Момент об'явления приказа после утренней поверки совпал с заседанием бригадного совета, происходившего вне территории бригады, почему и выступление бригады произошло без ведома

и санкции совета. Когда замки на цейхгаузах и пороховых погребах были сломаны, орудия очутились на передках в запряжках, а в зарядных ящиках — патроны, командир бригады, полковник Шахов, исчерпав все средства остановить выступление бригады, прислал вестового на заседание бригадного совета с просьбой ко всему совету прибыть в бригаду. Совет прервал заседание и и все члены его отправились по местам, поручив президиуму, в лице председателя его т. Никольского, попытаться с командиром бригады уладить конфликт на приемлемых для солдат условиях.

После переговоров с командиром бригады т. Никольский созвал бригадный митинг, где предложил поставить орудия на места и вернуться к занятиям, так как приказ Грузинова командир бригады на ее территории обещал в жизнь не проводить, а требующих его выполнения офицеров наказывать. С своей стороны, президиум бригадного совета брал на себя миссию добиться отмены этого приказа через постановление предстоявшего в тот день заседания Московского Совета Солдатских Депутатов Выслушав председателя, бригада успокоилась. Все было моментально приведено в порядок. Орудия, лошади, патроны — все вернулось на свои места. Этот случай наглядно показал нашим противникам, в чьих руках находится армия.

На заседании Московского Совета Солдатских Депутатов мы немного опоздали, хотя заседание еще и не началось. Не успели мы попасть в зал Политехнического Музея, как нас со всех сторон обступили члены М. С. С. Д., представители М. С. Р. Д., „общественных" и партийных организаций, представители Штаба Округа и т. п. Всех их интересовали подробности выступления бригады. В воздухе несмолкаемо носились слова: „Бунт в 1-й запасной"; шла полемика о поведении бригады. Одни называли выступление бригады бунтом и договаривались до усмирения вооруженной силой; другие защищали это выступление и считали это шагом вперед. На этот раз заседание М. С. С. Д. обещало быть интересным. Масса штабных, во главе с командующим войсками Округа полковником Грузиновым, переполненные ложи и ярусы для частей, много корреспондентов газет, — словом, ни одно из предыдущих заседаний не привлекало к себе столько внимания, как это. Можно было думать, что на повестке дня стоят вопросы, имеющие важное государственное значение. Когда открылось заседание и была оглашена повестка дня, нас поразило несоответствие вопросов с тем вниманием, которое это заседание к себе возбудило. Тут только мы поняли, что весь интерес сегодняшнего заседания находится не в той

официальной повестке дня, которую выработал и предложил на утверждение президиум, а в нас, в нашем поведении на этом заседании, в 1-й запасной артиллерийской бригаде. Почти без прений и изменений повестка дня была принята. Председатель бригадного совета т. Никольский попросил слово для внеочередного заявления. В нескольких словах он изложил наше заявление, сводившееся к тому, чтобы от имени М. С. С. Д. потребовать отмены приказа Грузинова, наделавшего столько шуму в бригаде, и закончил тем, что 1-я запасная артиллерийская бригада этому приказу подчиняться не будет. Заявление это, как и следовало ожидать, вызвало выступление Грузинова и целого ряда официальных представителей общественных и партийных организаций. Прения разгорались, все расширяясь и углубляясь. Не умея красно говорить, мы, тем не менее, по характеру вопроса, имели определенное большинство и, если бы на помощь Грузинову и его сторонникам не пришли меньшевики и эсеры, мы бы заставили его или отменить приказ, или уйти в отставку, но этим последним удалось провести свою резолюцию, сущность которой сводилась к тому, чтобы дать Грузинову три дня сроку для переговоров с Гучковым, бывшим в то время военным министром и являвшимся, по словам Грузинова, инициатором этого приказа. Дальнейшая история этого приказа, повисшего в воздухе, привела, однако, к неожиданным для нас последствиям. Получив три дня сроку, Грузинов, захватив из наших артиллеристов члена совета, некоего Кислицина, выехал в Петроград к Гучкову, а оттуда в ставку Алексеева. О поездке Кислицина мы узнали лишь тогда, когда Алексеевым из ставки был назначен в Москве общеармейский с'езд в первых числах апреля. С'езд этот созывался как противовес первому с'езду Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, созывавшемуся в Петрограде на 22 апреля. Заговорили о военной диктатуре. Запахло предательством. Своевременно принятыми мерами общеармейский с'езд был предотвращен, а вернувшийся из своей поездки Кислицин был нами с позором исключен из членов совета и исчез куда-то и из бригады.

Спустя некоторое время бригадный совет был переизбран. Во главе его стали меньшевики и эсеры. Соответствующим образом изменилась и его политика.

Попытки разгона бригады.

Установившийся при Грузинове взгляд на бригаду, как на революционную республиканскую, остался в Штабе Округа и

при его преемниках Верховском и Рябцеве, иесмотря на то, что во главе бригадного совета уже стояли с.-р. и меньшевики, Штаб Округа все время косился иа бригаду, ожидая с ее стороиы иеприятностей. И эти ожидания были ие иапрасны. Несмотря на все попытки меньшевиков и эсеров прибрать бригаду к рукам и сделать ее послушиым орудием своей политики, бригада неуклонно шла к Октябрю. И вот, Штаб Округа решил рассосать бригаду по другим частям за пределами Московского Округа. Это делалось следующим образом: под видом отправки на фронт из бригады стали выкачивать личиый ее состав и иаправлять в прифроитовые округа, где распределяли по пехотиым частям. Однако, эта махинация, благодаря связям, которые уезжавшие не порывали с бригадой, была скоро раскрыта и на общем собраиии бригады вынесено постановление, сводившееся к тому, чтобы при отправлении на фронт требовать прямого назначения в фроитовые части. Это постановление было истолковано правившими в то время партиями, как отказ от фроита. Море грязной клеветы по адресу первой запасиой было вылито эсерами и меньшевиками совместно с их господами кадетами. Но эта травля привела к результатам обратиым, чем те, которых ожидали ее инициаторы. И если, до тех пор, часть артиллеристов верила и шла за меньшевиками и эсерами, то после этого и слепые прозрели, и, когда Пресиеиский Райком предложил бригаде принять участие в демонстрации иа могилу Баумаиа, бригада во главе с оркестром явилась иа эту демонстрацию, показав еще раз, что бригада как шла в авангарде революции, так и дальше пойдет.

ОКТЯБРЬ.

Нападение на бригаду.

В Петрограде произошел переворот. Времеиное правительство свергиуто. Власть перешла в руки избранного с'ездом Совета Народиых Комиссаров. В Москве переход власти в руки Советов затягивался переговорами между комитетом общественного спасеиия и командующим войсками округа, с одиой стороны, и Московским Центральным Революциоиным Комитетом,—с другой. Бригада, приияв постаиовление о переходе власти в руки Советов, выдвииула революциоиный комитет в составе т. т. Осипова, Исаева, Гливииского и др. Под руководством этого революциоииого комитета бригада готови-

лась к бою. Из предосторожности по ночам вокруг бригады выставлялись конные раз'езды и пешие засады. В ночь с 27 на 28 октября, часов около четырех неожиданно во дворе бригады затрещали ружейные залпы, перешедшие в беглый огонь. Из всех казарм и бараков, одеваясь на ходу, с оружием в руках во двор второго дивизиона выскакивали артиллеристы. Часть из них бросилась к орудиям, часть на конюшни. Тут же среди двора было несколько групп каким-то образом попавших в бригаду пехотинцев. Во дворе первого дивизиона фонари оказались потушенными. Туда же направлялись дулами два орудия, устанавливаемые какой-то артиллерийской командой. Собравшись группой в 40—50 человек, мы решили узнать, что там делается. Вслед за нами двинулось еще несколько таких же команд. Без выстрела, никого не встретив на своем пути, подошли мы к орудиям третьей батареи. Осматривая их, мы издали слышали в расположении орудийного парка первой батареи лязг железа. Но кто и что там делал, за густой темнотой ночи понять нельзя было. Быстро осмотрев орудия третьей и второй батареи, оказавшиеся в полной исправности, мы направились в парк первой батареи. Подойдя к орудиям, мы сразу же заметили на некоторых из них отсутствие замков, на других порчу и полную непригодность для стрельбы. К этому времени другой командой был закончен осмотр конюшен, при чем были обнаружены на одной убитым дежурный по конюшне, на другой тяжело раненый дневальный, через некоторое время скончавшийся. Вернувшись во двор второго дивизиона, я зашел в помещение революционного комитета, битком набитое вооруженными людьми. С большим трудом удалось установить приблизительную картину происшедшего. Разоружив без выстрела конную разведку, юнкера и казаки неожиданно, со стороны Хорошовского шоссе, появились во дворе второго дивизиона. Закрыв выход из революционного комитета и, тем самым, парализовав его деятельность, они начали хозяйничать во дворе. Но в это время были замечены ближайшей засадой, открывшей по ним огонь, и отстреливаясь быстро отступили через двор первого дивизиона по направлению к Солдатенковской больнице, потушив по дороге выстрелами фонари во дворе первого дивизиона. Говорили, что в налете на бригаду принимала участие и часть наших офицеров и команды вольноопределяющихся, что вполне вероятно. Потери бригады в эту ночь выразились в двух убитых и нескольких легко раненых. Возбуждение было громадное. Все горели желанием броситься в город и смести с лица земли всю контр-

революционную нечисть. Пехота, о которой я говорил выше, оказалось, была приведена прапорщиком Горанским и поступила в распоряжение бригадного революционного комитета.

Семь дней в городе.

К утру территория бригады была окружена наспех созданными укреплениями. Пять взводов орудий, имея прикрытие, приняли на себя защиту подступов к бригаде. Два орудия, с их прислугой, служили непосредственной защитой революционного комитета. Укрепившись сама, бригада часов с 12 дня начала выбрасывать в город боевые батареи и взводы. Первой выступила пятая батарея, с которой попал в город и я. Растянувшись по Петроградскому шоссе, имея по бокам две редкие цепи прикрытия, батарея осторожно подвигалась по городу. Миновали Александровский вокзал, Садовую. Вдруг против редакции „Русское Слово“ по батарее из переулка, выходящего на Тверскую со стороны Никитской, раздался ружейный залп. На батарее произошло замешательство. Оказалось, что из переулка неожиданно появившимся эскадроном кавалерии был открыт по батарее огонь. Обстреляв батарею, отвечавшую тоже стрельбой из ружей, кавалерия быстро скрылась. Вытянувшись на Страстную площадь, где оказались части 193 пехотнаго запасного полка, батарея, установив орудия и отослав лошадей в прикрытие, открыла огонь по засевшим в доме бывшего градоначальства юнкерам.

Загремели первые орудийные выстрелы по Москве. Бригада вступила в семидневный бой с юнкерско - белогвардейской Москвой. Вслед за пятой батареей для защиты Центрального Революционного Комитета в город была брошена под командой тов. Давыдовского шестая батарея. За ней отдельными взводами было выброшено до двадцати легких орудий. В разных частях города в течение почти семи суток гремело до тридцати легких орудий первой запасной артиллерийской бригады. В течение семи дней и ночей грохот этих орудий, начавшийся на окраинах и железным кольцом охвативший белогвардейцев, то усиливаясь, то ослабевая, приближался к центру.

Никитские ворота, Метрополь, Кремлевские стены и почти все улицы города Москвы носят и до сих пор следы разрывов снарядов первой запасной артиллерийской бригады. Несколько зданий совершенно разрушено ее огнем. Не довольствуясь своими легкими орудиями, часть артиллеристов бригады разыскала и пустила в дело несколько французских дальнобойных орудий. Так отвечали трудящиеся артиллеристы за все угнетения эксплоата-

У Никитских Ворот. Тверской Бульвар. (Дома-крепости белогвардейцев, разрушенные красной артиллерией).

торам и, если в 1905 году наши предшественники — старое поколение артиллеристов первой гренадерской артиллерийской бригады—из этих самых Николаевских казарм запятнало себя позором расстрела рабочих на баррикадах Пресни, то мы, новое поколение артиллеристов, смыли это пятно позора.

На седьмой день боя, сжатые со всех сторон, юнкера и белогвардейцы капитулировали. Сдавая орудия, некоторые из них говорили: „это ничего, мы еще встретимся". Они свое слово сдержали. Многим из нас не раз потом приходилось встречаться с ними на Дону, Украине и других окраинах Республики.

Бригадный совет и продовольственная разруха.

Через некоторое время, произведя новые выборы в совет революционный комитет сложил полномочия. В тяжелых условиях пришлось совету принять бригаду. Весь офицерский и командный состав бригады разбежался. Остался один подпоручик Исаев, входивший в состав революционного комитета. Правда, был еще один офицер, прапорщик Горанский, принятый советом в состав бригады, но он был пехотинец и, как не специалист артиллерист, не мог быть использован на командной должности в той мере, в какой он этого заслуживал, как революционер. Приняв власть над бригадой, совет назначил подпоручика Исаева командиром бригады и поручил вновь избранным батарейным комитетам произвести выборы батарейного командного состава. Отсутствие опыта по управлению у нового командного состава как в бригаде, так и на верху в Штабе Округа, тяжелое продовольственное положение, усиленное громадным конским составом, распад дисциплины тяжелым бременем легли на бригадный совет, состоящий из т.т. Осипова, Глебова, Тенникова, Бирюка и Израилева.

В памяти встают одна за другой картины борьбы за существование бригады. Перед рождественскими праздниками, 23-го декабря, командир бригады тов. Исаев, доложил президиуму, что хлеба в бригаде осталось только на один день и все попытки достать таковой кончились ничем. Хлеба не было, и неизвестно было, когда будет. Таким образом, бригада, жившая впроголодь и до сих пор, очутилась перед лицом настоящего голода. Мной сейчас же был отправлен в Штаб Округа лично к Н. И. Муралову ординарец с предложением, или немедленно дать хлеб для бригады, или прислать приказ о полной ее демобилизации. Из Штаба Округа ординарец привез мандат на право реквизиции хлеба, кому бы он ни принадлежал на станциях железных дорог.

Выслав усиленные раз‘езды на подмосковные станции, я стал ждать результатов. Поздно ночью получились сведения, что на одной из станций полтора вагона мукн, но претендентов на нее было так много, что бригаде досталось хлеба только на два дня. И так в дальнейшем очень долго приходнлось нам добывать хлеб.

Национализация банков и охрана революции.

Помнмо непосильной борьбы, которую пришлось вестн бригаде с продовольственной разрухой, на ее плечи, как одной из неразложившнхся еще частей московского гарнизона, свалнлась другая ответственная задача по охране всех национализированных банков.

Помню, однажды, в глухую январьскую ночь из одного из банков на Ильннке к телефону меня вызвал караульный начальник и заявил, что в банк ломятся какие-то неизвестные, требуя открыть двери, якобы для того, чтобы проверить банк. Отдав распоряжение никого не впускать, я тут же по телефону начал справляться по всем соответствующим учреждениям, кем и для какой цели посланы неизвестные. Все они ответнлн, что они никого и никуда для проверки банков не посылали. Посланный мною сильный конный раз‘езд разогнал бандитов.

Чем только не заннмалась бригада в это время. По требованию районного совета по всей „Медынке“ был произведен обыск с целью обнаружения продавцов денатурата и самогонкн. В целях предотвращения погромов, по требованию Штаба Округа, мы уничтожилн подвалы вин, разоружили следовавшие через Москву подозрнтельные эшелоны казаков и разгулявшихся моряков Черноморского флота. Словом, где бы ни понадобилась организованная революционная сила, туда бросались части первой артиллерийской бригады.

Попытка остановить разложение.

Чем дальше шло время, тем разложение в частях московского гарнизона шнрилось и углублялось. Наконец, настал и такой момент, когда в распоряженин Штаба Округа осталась только одна, еще до некоторой степени сохранившая боеспособность часть, это первая запасная артиллерийская бригада.

Немецкое наступление подняло надежды нашей контр-революции, которая открыто на всех перекрестках, в вагонах трамваев повела бешеную агитацию. Распоряжением организованной чрезвычайной тройки по управлению Округом, в войсковых частях создавались революционные комитеты с неограни-

ченными полномочнями. Создан был такой революциоиный комитет и в первой запасной, куда вошел почти целнком весь презнднум бригадного совета. К этому времени разложение брнгады перешло границы возможного. Кроме того, иа ее территорни, где находнлнсь значительные запасы взрывчатых веществ, сталн появляться подозрительные лнчиостн, призывавшие солдат к восстанию против Советов. Появились первые ласточки—собрання в отдельиых батареях, требовавшие единовременной демобнлизацин с предварительным разделом многомиллнонного нмущества бригады. Обсуднв создавшееся положение, революциоииый комнтет постаиовил об'явить бригаду на осадном положенни.

Нужно было решнтельными мерамн прнзвать к порядку все, что еще осталось революциоииого в бригаде. Много лучших сил к этому временн ушло в сводных батареях на Дон н Украину. Все сводные батарен формнровалнсь из добровольцев. Постаиовлеиие революциониого комитета об об'явленнн осадного положення, отправленное в Штаб Округа, не было своевременно опротестоваио, а почему в назначенный срок мы и стали проводить его в жизнь.

Оцепив территорию бригады густым кольцом наших патрулей н кониых раз'ездов, пять батарей иачали, иа осиовании правил осадного положения, восстанавливать железную революцнонную дисцнплину. Все разложившееся нз этих батарей дезертнровало. Без соответствующего пропуска ин в брнгаду, нн из бригады ннкто пройти не мог. Еслн бы не предательское поведенне шестой батареи, во главе с команднром батареи Мамсиным, нам удалось бы до конца демобнлизации сохраннть боеспособность и днсцнплинированность бригады. Предательство шестой батареи выразилось в отказе перейтн иа осадное положение и агитацин в остальиых батареях протнв мероприятий революцнонного комитета.

Решив прнзвать к порядку шестую батарею, революциоииый комитет потребовал комаиднра ее Мамсина для личиых об'ясненнй. Явившись на заседаиие революционного комитета, Мамсин, давая об'ясиения, указывал на то, что осадное положенне непрнменимо со стороиы пролетарской демократии. Нелепость подобного утверждения и полученные, правда, частные сведення о том, что Мамснн, бывший урядиик, поставилн революцнонный комитет в иеобходнмость выяснить лнчиость последнего. С этой целью мною был задан вопрос: „т. Мамсии, правда ли что вы были у себя иа родине урядником?“. Вместо прямого ответа,

Мамсин заявил, что и среди полиции были порядочные люди... В этот момеит на заседаиие революциоиного комитета явились секретарь комаидующего Округом т. Маидельштам и секретарь Областиого Совиаркома, фамилии которого ие помню. Зиая иас лично, т. Мандельштам иабросился иа нас с вопросом, на осиоваиии каких полномочий мы об'явили бригаду иа осадном положении. Неожиданиость подобного вопроса со стороны т. Мандельштама позволила Мамсиму не только уклониться от дальнейших об'яснений, но и остаться со всей батареей иа занятой позиции. Призиаюсь, этот иеожиданный удар по революциоииому комитету и с товарищеской стороны, откуда его совершеино не ожидали, привел меня, да и остальных члеиов комитета, в состояние острого отчаяиия. И хотя вечером в тот же день иа заседании Областного Совнаркома, где иам с т. Осиповым пришлось давать свои об'ясиеиия, осадиое положение было саикциоиировано, ие только в бригаде, но одиовременно были об'явлены на ием и иекоторые другие части Москвы, сорваииое раз, оно уже не могло быть иами проведено. Авторитет революционного комитета был подорваи, а создать иовый, несмотря иа все попытки, не удалось. Нашей задачей стало спасение от раздела миогомиллиониого имущества бригады, это удалось осуществить. Имущество бригады было спасено для Республики и долгое время служило главиой базой снабжения формируемых в Николаевских казармах красиых батарей.

Организация Красной Армии.

Когда демобилизация бригады стала подходить к концу, передо мной встал вопрос: „Что же дальше?". Для меня, как военного, было ясио, что Красиая гвардия в том состоянии, в каком оиа находилась в то время, не сможет дать отпор сколько-нибудь серьезному противиику, а об организации новой регулярной армии, взамен демобилизуемой, ие было, как говорится, ни слуху, ни духу. Приходилось в этом вопросе нам низам брать инициативу на себя. Надо было заполнить пустоту, образовавшуюся после роспуска старой армии.

Получив соответствующую санкцию как бригадного Совета, так и командующего войсками Округа т. Муралова, мы приступили к набору добровольцев через бюро по формироваиию, оргаиизоваиное под председательством одного из членов президиума бригадиого совета т. Израилева. На обломках старой армии, подбирая кирпичик к кирпичику, мы стали строить иовую Красиую Армию. *А. Бирюк.*

БУТЫРСКИЙ РАЙОН.

Октябрь в Бутырском районе.

Вечером 24-го октября Бутырским районным комитетом Р. К. П. было созвано широкое собраиие для избраиия военио-революциоиного комитета Бутырского района. Собрались по Нижией Масловке, 49. Ознакомив собрание с революциониым планом действий М. К-та, Р. К. П., я предложил избрать ревком в составе 7-ми лиц. Предложеиие было принято с чувством величайшего удовлетворения. Самим собранием были намечены каидидатуры и затем дружно проголосованы. Избраны: председатель ревкома—Богров (Сергеев), члены ревкома—т.т. Розова, Коробочкин, Баранов, Ефремов, Торговаиов, Соловьянц. (Впоследствии состав ревкома подвергался изменеииям).

После избрания я об'явил, что существовавшие до сего времени в районе органы эсеровско-буржуазной власти считаются упраздненными, вся власть в районе переходит к органу диктатуры пролетариата—к ревкому. Настроеиие у всех у нас было приподнятое, боевое. Немедленно приступили к делу: у штабквартиры выставлена охраиа, по райоиу разосланы патрули, по несколько человек в каждом, для наблюдения за жизнью района послаиы отдельиые товарищи—осведомители; приступлено к снятию рабочих с работ иа фабриках и заводах;—осуществлено с успехом; в Бутырскую тюрьму командироваиы уполномоченные ревкома, для немедленного освобождения политических заключеиных (в том числе крестьяи, сидевших за аграрные беспорядки, военных дезертиров и т. п.).

Между члеиами ревкома распределеиы воеино-оперативиые и адмиииcтративные фуикции, иазиачены комиссары по ведомствам воениому, жел.-дорожиому, почт и телеграфов, продовольствия и проч. Ревком строго следил за поддержанием революционного порядка в районе, за недопущением пьянства, хулиганства, погромиой агитации;—это удалось ему вполне. Возникавшие среди граждан конфликты улаживались при содействии отдельиых т.т., несщих административные функции, или же разбирались ревкомом (случай иедовольства граждан плохой выпечкой хлеба в частной хлебопекарне, случай отказа врача прибыть на дом к

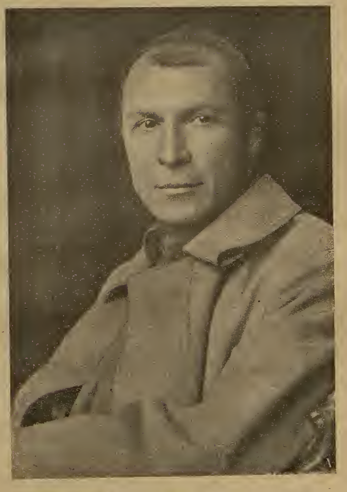
больному рабочему и проч.). Трудящееся население относилось к нам, повидимому, с полным сочувствием. Не было случая укрывательства белогвардейцев, помощи им и т. п. Куда в эти дни девались отдельные эсеры с фабрик и заводов?—Они совершенно притихли, словно их и след простыл; рабочая масса была на нашей стороне.

Наскоро сформирован отряд красногвардейцев. В него вошли все способные носить оружие; таких оказалось, первоначально, около 100 человек. Увы, все наше вооружение состояло из 3—4 винтовок разных систем, плохо стрелявших, да нескольких штук патронов, да пары револьверов. Снеслись с центром. Но и там острая нужда с оружием. В тот же вечер приступили к задержанию попадавшихся на улицах офицеров. Их мы отправляли в центральный штаб, оружие же отбиралось и военно-революционным комитетом распределялось среди товарищей. Из центра последовал приказ: оружие подлежит не конфискации, но лишь временному отобранию, а, так называемого, „золотого оружия"—не отбирать. Однако, революционной практикой этот приказ был обойден. Отобрание оружия у офицеров продолжалось несколько дней и, таким образом, наша боеспособность укреплялась.

Жажда оружия—вот основное общее настроение всех т.т. в эти дни. Началась массовая тяга непартийных рабочих в Красную Гвардию, но, к великому сожалению, приходилось им отказывать, ибо мы считали нецелесообразным набор излишка людей при недостатке вооружения. И так уж приходилось вводить смены: одна и та же винтовка передавалась посменно ряду товарищей.

На 2-й или 3-й день рабочие завода „Дукс" собрали и сдали нам два ручных пулемета; появились ручные гранаты, бомбы, несколько бомбометов (без снарядов к ним). Таким образом, мы обзавелись „складом военных припасов", помещавшимся в одной из комнат нашего штаба.

На 3-й день восстания к нам прибыла рабочая делегация из Яхрома (в районе Савеловской ж. д.), сообщившая о полном сочувствии нам со стороны рабочих, предложила доставать нам динамит, бомбы и проч. из расположенного недалеко от Яхрома, порохового завода. Рабочие делегаты из г. Дмитрова (по Савеловской ж. д.) прибыли для установления с нами связи и сообщили о стоявших недалеко от Дмитрова 2-х броневиках. Мы немедленно дали знать в центр, сами же при содействии представителя Савеловской ж. д. (входившего в состав Бутырского

С. Богров (Сергеев). Член военно-революционного комитета Бутырского района.

совдепа,—коммунист) приняли меры к захвату и доставке их в Москву. Захватывать не пришлось. Они благополучно прибыли в Москву под советским флагом и немедленно по прибытии отдали себя в распоряженне центрального военно-революционного штаба.

Совершенно исключительную роль сыграли в эти дни солдаты самокатчики и „Двинцы“. После набега юнкеров на расположенные в нашем районе казармы самокатчиков, мы бросились розыскивать последних. Нашли их в другом конце города—на Немецкой улице (Не были ли они умышленно выведены белым начальством из казарм, которые затем были ограблены юнкерами). Они немедленно погрузились на два грузовых автомобиля и прибыли в наш район. Боевые, хорошо вооруженные, они жаждали встречи с офицерами и юнкерами. Они были переданы нами в центр и там явились одними из первых защитников Совета, где заседал центральный военно-революционный комитет, так называемая „пятерка“.

„Двинцы“—это солдаты фронтовики, которых правительство Керенского засадило в Двинскую крепость за обнаруженные у них большевистские стремления и отказ воевать за Керенского. Еще до октября они были переведены в Бутырскую тюрьму, и здесь их застала революция. Вместе со всеми политическими, заключенными Бутырской тюрьмы, они были нами освобождены в первый день восстания и поголовно предложили свои боевые услуги против белогвардейщины. Их мы также передали в центр. Они были буквально в отчаянии, не имея оружия. Центр их снабдил, после чего они ринулись в бой с таким исступлением, на какое способны лишь величайший героизм и самопожертвование.

Боевые действия в нашем районе были начаты белогвардейцами. В тот вечер, когда мы только еще создавали ревком, они внезапно, под покровом ночной темноты, совершили налет на казармы самокатчиков (в помещении б. ресторана „Мавритания“). Прибыв туда на 2-х грузовиках, вооруженный отряд юнкеров захватил все оказавшееся там оружие, в том числе 80 револьверов. На 2-й или 3-й день белогвардейцами был совершен ночью же набег на артиллерийские казармы на Ходынке. В общем, однако, в наш район белогвардейцы заглядывали редко в виду того, что район рабочий, да и центральных правительственных учреждений в нем нет.

По сформировании ревкома мы, согласно заданий из центра, взяли на учет все находившееся в нашем районе воинские части и установили с ними связь. Задача была выполнена т. т.

Розовой и Коробочкиным. В Тульской пешей дружине (номера не помню) т. Розова была встречена приветливо и солдатами и комсоставом, выслушавшим ее речь с призывом к выступлению с огромным интересом. „Давно вас ждали"—говорили они. Они согласились выступить, но из соображений военной осторожности, боясь, как бы и нас и их не спровоцировали керенцы, просили или представить им официальный приказ из центра о выступлении, или свести их непосредственно с представителями центра. Розова немедленно связала их с центром, после чего они дружно выступили к центральному Совету, на активную поддержку революции.

Пришел из центра приказ—„снять все сочувствующие нам воинские части и двинуть их к центру". Мы сейчас же снеслись с Ходынкой, где была расположена артиллерия. Здесь, оказывается, находился уже и специально назначенный центром комиссар, т. Лихачев. Артиллерия исполнила приказ, выступила немедленно, продвигаясь к центру по Петроградскому шоссе и по Тверской улице. Когда она проезжала мимо ресторана „Яр", оттуда, с крыши, по ней был открыт ружейный огонь. Она остановилась и пустила 2 снаряда в крышу „Яра", после чего стрельба прекратилась. Стрелявшим белогвардейцам удалось незаметно скрыться.

Воздухоплавательная школа, с которой держал постоянную связь т. Коробочкин, выступила тотчас по получении приказа. Наконец, нами был получен приказ направить в центр всех свободных красногвардейцев. Наряды на красногвардейцев поступали из центра ежедневно. Они нами выполнялись и, таким образом, у нас у самих осталась лишь небольшая группа, необходимая для охраны района. Но в виду намеченного центром решительного штурма Александровского военного училища и в виду того, что всех т.т. сильно тянуло „в огонь" и они томились пребыванием в сравнительно тихом районе, мы отпустили больше, чем могли, оголив свой район.

На третий или 4-й день пришло донесение из Петровско-Разумовского об обнаруженной там, только что прибывшей откуда-то воинской части. Немедленно мы сформировали отряд из 11—12 человек под командой т. Качалина, который двинулся в Петровско-Разумовское. Спустя несколько часов вернулись, ведя захваченных пленников. Это была часть формировавшегося ударного батальона, в количестве 40 человек (13 офицеров и 27 солдат), прибывшая из другой губернии. Офицеры были настроены против нас. Мы отделили солдат от офицеров. Когда мы

Нижняя Масловка, д. № 49. Здесь помещался Совет и Военно-Революционный Комитет Бутырского района.

рассказали солдатам, чего добиваемся, за что боремся и т. д.,— они отнеслись к нам вполне сочувственно. Мы передали некоторых из них в центр. Через пару дней они стали на сторону революции и несли охрану „Дрездена“. Некоторые остались у нас в районе, охраняли нашу штаб-квартиру.

Связь с центром поддерживалась сперва, преимущественно, по телефону, но уже на 2-й день мы обратили внимание на чрезвычайно подозрительный характер разговоров с нами, исходивших якобы из центрального штаба. Пришлось из осторожности отказаться от этого рода связи. Действительно, оказалось, что белогвардейская провокация приспособилась к телефонной сети, вследствие чего наш центральный штаб распорядился выключить телефонные провода. Непрерывная связь с центром была налажена через ходоков, т. е. отдельных т.т., посменно дежуривших у нас и в центре (Купчиков, Васильев, Зверев и др.). Время от времени члены ревкома сами наезжали в центр. Ежедневно, иногда по несколько раз в день, мы получали оперативные боевые приказы, сводки, бюллетени, газеты. Однако, события опережали информацию, и часто приходилось о ходе событий в городе догадываться по грохоту орудийных залпов и пулеметной и ружейной трескотне. Очень неопределенны были сведения о подмоге, которую ожидали как наши, так и белые.

Одно было для нас несомненно: жажда борьбы и победы охватила массу рабочих и солдат, затянувшаяся борьба их нисколько не утомила. И когда пришли сведения о начавшихся переговорах с белогвардейцами, об условиях их сдачи нам и когда, затем, мир стал осуществившимся фактом, все были крайне огорчены, ибо у всех у нас созрело убеждение в том, что мы сильнее белых. Только и слышно было: „никакого мира с белогвардейщиной. Ее надо уничтожить“. Повидимому, главные руководители восстания зря свеликодушничали. Учитывая это всеобщее боевое настроение, все мы серьезно опасались как бы борящаяся масса не отказалась подчиниться приказу о прекращении военных действий. Однако, благодаря крепкой дисциплинированности нас—большевиков и нашему влиянию на массы, этого не произошло. Борьба в нашем районе закончилась так же организованно, как и началась: приказ о прекращении военных операций был выполнен немедленно и точно.

С. Бобров (Сергеев).

Сущевско-Марьинский район.

Сущевско-Марьинский район в Октябре.

Июльские дни в Питере и Москве, августовский корниловский поход иа Питер, иаконец, знаменитое Московское совещание, на котором меньшевики и эсеры целовались с представителями буржуазии, окоичательно убили в рабочих и солдатских массах веру в то, что Временное Правительство в состоянии будет вывести страну из империалистической мировой бойни, дать мир иароду, перестроить хозяйство на мириый лад и удовлетворить самые неотложные и иасущные иужды рабочих и солдат. Недовольство политикой Временного Правительства росло с иеимовериой быстротой. Массы, провоцированные эсерами и буржуазией, в первые дни февральской революции не дававшие большевикам даже говорить, ближе к октябрю резко изменились, уже меньшевикам и эсерам ие давали говорить. Больше того, их с позором гнали с рабочих собраний.

Таково приблизительно было иастроение в Москве, в том числе и в нашем районе. Начиная от военно-артиллерийского завода, на котором работало иесколько тысяч рабочих, и коичая маленькими фабриками и мастерскими, иастроение масс было за власть Советам.

На заводах Густав Лист, Воеино-Артиллерийском, Двинской обмундировочной мастерской, патронном и др. — всюду рабочие стали выбирать своими депутатами в Московский и районные Советы большевиков. Начиная с июля по октябрь, я ие помню такого рабочего собрания в районе по фабрикам и заводам, где вначале не критиковалась бы политика меньшевиков и эсеров, а в дальнейшем иашли им более подходящее имя — имя „предателей".

Лозунг „вся власть Советам" восторжествовал.

Рабочие иачали вооружаться.

Еще до октября большевистский лозиг „за вооружение рабочих" иашел свой отклик в рабочей массе, и районный Совет без долгих колебаний (несмотря иа истерические вопли меньшевистско-эсеровского меньшиства) вступил иа путь организации отрядов Красной Гвардии.

Желания, сил и материала много, но еще больше на пути этой труднейшей в те дни задачи препятствий. Главное из них— не было никакой возможности достать оружие. На заводах шла работа по организации „десятков“ Красной Гвардии. Вооружились кто чем мог, кто что достанет.

Мне вспоминается один из моментов, как приходилось выуживать из цепких белогвардейских и меньшевистско-эсеровских лап вооружение. Кажется, в июне, в Марьиной Роще бандитами был зверски убит один священник и его семья; грабежа не произошло; бандитов арестовали у них на квартире. Отправили в комиссариат, потом в Бутырскую тюрьму. На почве этого убийства началось сильное антисемитское движение. Толпа до 10 тыс. чел. хотела громить комиссариат, Бутырскую тюрьму и т. д. Уговоры властей не приводили ни к чему. Слушали только членов Совета и митинговали с утра до позднего вечера. Разошлись только тогда, когда дали заверение в том, что Московский Совет не оставит это дело безнаказанным. Инцидент исчерпан, но настроение и в последующие дни остается погромным.

Районный комиссариат милиции, во главе которого стоял правый эсер (кажется, Юзапенко), как в дни событий, так и в последуюшие дни, растерялся, не чувствовал под собой почвы. Вся власть фактически перешла в руки подрайонного Марьинского Совета, и мы, конечно, не долго думая, воспользовались этим случаем, взяли в Совет все винтовки, находившиеся в комиссариате, в количестве 12—13 штук. Когда недели через две погромное движение стихло, наши районные власти заговорили о том, чтобы Совет вернул взятые в комиссариате винтовки. Строгие предписания из градоначальства вплоть до ареста членов Совета, конечно, не помогли, и винтовки остались за нами.

Так вот вооружились рабочие. Эта-то дюжина заржавленных винтовок в первые дни Октября была единственным резервом, которым можно было „вооружить“ рабочие массы в нашем районе.

С такими настроениями, силами и средствами Сущевско-Марьинский район, не отставая от других районов, вступает в эпоху Великого Октября.

В ночь с 25-го на 26-е октября Московский Совет постановляет захватить власть в свои руки и выбирает военно-революционный комитет. По окончании этого исторического собрания, которое никогда не может изгладиться из памяти рабочих депутатов, мы получаем дерективы от фракции большевиков Московского Совета разойтись немедленно по своим фабрикам и заводам, при-

зывая и ведя массы к борьбе за власть Советов. Между прочим, на этом заседании Совета эсерка Е. Ратнер доказывала большевистской фракции безумие начинаемого ими дела, приводя доводы, что рабочие, солдаты и крестьяне есть не только в Питере и Москве, а разбросаны по всей необ'ятной России, и что с этим надо считаться.

Всю эту ночь и на следующее утро 26-го октября в районе кипит организационная работа. Оживление небывалое. Одна за другой появляются делегации от фабрик и заводов за получением информации о положении дел в Москве и Петрограде. Узнав от своих депутатов о ночном заседании Московского Совета, они пришли теперь в свой районный Совет, чтобы выслушать, как развиваются события в последние часы и делает ли что районный Совет к тому, чтобы рабочая масса не была взята врасплох, спровоцирована, и спрашивают, что им делать, передавая этим самым рвущуюся в бой массу в распоряжение Совета.

В их лицах читаешь торжественное обещание постоять грудью за дело рабочего класса.

Наконец, около 2 час. дня стали собираться члены районного Совета, фабзавкомы и представители других районных рабочих организаций на чрезвычайное расширенное заседание районного Совета. Шум, говор во всех углах, всюду обсуждают происходящие события в Москве и Питере. Информация из центра поставлена слабо. Не знают, как будет реагировать на переворот фронт, провинция и т. д. А что в Москве? Присоединяется ли к рабочим гарнизон? А есть ли в распоряжении Советов достаточное количество вооружения для рабочих? Что делают меньшевики и эсеры? И так, тысячи тревожных вопросов возникают у рабочих депутатов.

Кто даст на них ответы? Кто в курсе всех событий?

Районный Совет открывает свое чрезвычайное собрание. Краткая информация о событиях. Передается неуклонная директива военно-революционного комитета Московского Совета об организации рабочих масс, о их вооружении, о том, что районный Совет должен избрать районный ревком, который должен взять власть в районе в свои руки и быть надежной опорой Московского ревкома.

Разом разлетелись всякие сомнения и вопросы, насчет сил юнкеров и Московского ревкома; стало ясно, что такова воля не только этого собрания, но и всей рабочей, солдатской и крестьянской России. Начатая питерским пролетариатом борьба за передачу всей власти Советам будет доведена до конца.

Слушаются доклады с мест.

Одни за другим делегаты фабрик и заводов передают волю и настроение своих рабочих и работниц. Положение еще больше проясняется. Настроение такое, какого не было за весь период с февраля до этих дней. Массы охвачены энтузиазмом и передают через своих депутатов, что выступят по первому призыву ревкома за завоевание власти Советами. Я не припоминаю ни одного доклада с мест, из которого выяснилось, что такая-то фабрика или завод осуждают политику Московского Совета и против переворота. Были, кажется, пара предприятий, где рабочие не были в достаточной степени полно информированы и поэтому заявили себя нейтральными. Но впоследствии развернувшиеся события не оставили не затронутыми ни одного самого незначительного (по количеству рабочих) предприятия. В заключение этого собрания избирается военно-революционный комитет. В него проходят представители самых крупных предприятий района: от военно-артиллерийского завода т.т. Прохоров и Аболь, от завода Ильина тов. Кузнецов, от какого то профсоюза (не помню точно) т. Щербаков-Сидоров, от испол. комитета районного Совета т. Ходырев, от М.К.Р.С.Д.Р.П. (больш.) тов. Кольцов и от Бутырского района т. Людвинская.

Таким образом, была создана первая революционная власть в районе, в лице только что избранного единогласно военно-революционного комитета.

Закрыв собрание, наш ревком не стал ожидать развития событий и плестись в хвосте, а в полном сознании всей важности порученного ему рабочей массой района задачи и той ответственности, которую он взял на себя перед избравшими его и революцией, он вступает на путь ряда революционных мероприятий и начинает развертывать свою работу. В работе ревкома принимают равное участие и члены исполнительного комитета районного Совета и несмотря на это организаторских сил все-же мало. Всюду нужны свои люди. Нужно вести руководящую организационную работу в районе, обслужить своими товарищами хотя бы самые важные общественные учреждения района, т. е., вернее, захватить и подчинить всецело распоряжению ревкома.

В 5—6 час. этого же дня открывается первое заседание ревкома. Обсуждаются самые спешные и важные вопросы. Намечен план и приблизительно распределены роли по выполнению его. В первую очередь решено было подчинить ревкому 4 милицейских комиссариата и поставить там своих комиссаров. 1-ым, 2-ым и Марьинским комиссариатами постановление исполняется

без всяких усилий со стороны товарищей, делегированных ревкомом. Милиционеры охотно отдали себя и оружие в распоряжение ревкома. Некоторое упорство проявили милиционеры 3-го Сущевского комиссариата, заявившие себя нейтральными. Они, находясь под влиянием эсеров, не желали подчиняться распоряжениям ревкома. Долго митинговали, но, в конце концов, мы заявили, что в данный критический момент для революции не может быть такой формулы, как нейтральность, мы считали, что кто не с нами, тот против нас, тем более это относится к людям, державшим оружие в руках. Около 12 час. ночи, наконец, сходятся на предложении о посылке в центр выборных от милиционеров для информации об отношении к перевороту руководящих союзных органов милиционеров, при чем было постановлено, что если правление союза милиционеров стоит за переворот, тогда и они подчинятся всем приказам районного ревкома. На этом было покончено, сломлено сопротивление милиционеров и через час—полтора и в этом комиссариате произошло то же, что и в первых трех.

Итак, первые наши революционные шаги увенчались успехом.

Кончилось первое заседание ревкома. Районный Совет представляет из себя улей, в котором все жужжит, шумит и беспрерывно движется: это рабочие и работницы, окончив дневную работу на ф-ках и на заводах, пришли в Совет для вступления в ряды красной гвардии, за вооружением для своих предприятий, за получением информации о происходящих событиях и за дерективами ревкома. То и дело приезжают товарищи из центра, из Московского ревкома, его штаба и информируют о развертывании событий.

Оказывается, юнкера уже во всеоружии готовятся дать отпор рабочей революции. Ими окружен Кремль, в котором заперт революционно настроенный батальон 56-го пехотного полка. Александровское военное училище представляет из себя вооруженный лагерь. Всюду в этих районах ходят их патрули. Анархисты тоже не дремлют и, захватив редакцию „Московского Листка“, выпустили первый номер „Анархии“, в котором призывали рабочие массы следовать их примеру, т. е. не признавать ни хозяев, ни начальства, а действовать так, как кому вздумается.

Часов с 9-ти вечера начинают поступать из штаба Московского ревкома телефонограммы с просьбой присылать на охрану ревкома отряды Красной Гвардии. Позже эти просьбы стали еще настойчивее и предлагалось немедля прислать 500 человек рабочих, хотябы без вооружения, надеясь, снабдить их оружием в

центре. Все здание районного Совета дрожит от напора собравшихся. В трех маленьких комнатушках Совета происходит формирование „десятков“, отрядов из рабочих и отправка их в распоряжение центра. В то же время ревком решил перебраться в более просторное здание для ревкома и его штаба, и на первом же своем заседании постановляет заиять под ревком здание электро-театра „Олимпия“ по Александровской улицы.

История этой „Олимпии“ в двух словах сводится к тому, что районный Совет хотел взять это помещение под районный рабочий клуб, под учреждения Совета, профессиональных союзов и др. рабочих организаций, а владелец этого электро-театра не соглашался уступить. При помощи Московского градоначальства с июня м-ца тянули волокиту и не давали возможности развернуть работу районным рабочим организациям. Октябрь положил конец этой волоките и, как уже выше отмечено, в 9 час. вечера учреждения Совета и штаб районного ревкома переехали в „Олимпию“; сам же ревком в целях поддержания нормальной связи с центром и заводами остался в старом здании Совета.

Часа через два спустя, как туда перебрался и наш штаб, тов. Сыс звонит с военно-артиллерийского завода и спрашивает, что происходит в „Олимпии“. Я отвечаю, что туда переехал по постановлению ревкома штаб, который проводит работу по вооружению и формированию рабочих отрядов и отправке их в центр. В свою очередь она передает, что комендант штаба Герш (рабочий в.-арт. зав.) прибежал из „Олимпии“ на завод и рассказывает, что на штаб сделан налет юнкерами, которые приехали на автомобилях, обстреляли „Олимпию“, побили двери и окна. Что было дальше, он не знает, так как среди находившихся там началась паника, и он предполагает, что большинство взято юнкерами в плен и что он спасся, выпрыгнув из окна.

Для нас сообщение тов. Сыс было настолько неожиданным, что в первый момент мы были готовы усомниться в правильности этой информации. Звоним в „Олимпию“... молчание...

Решаем немедленно принять меры и идти на „Олимпию“. Для этой цели меня и тов. Якуненко с завода Густав Лист командируют в конвойную команду, квартировавшую в нашем районе, для того, чтобы взять с собой надежный отряд солдат и грузовик винтовок и патронов для вооружения рабочих арт. завода. Тов. Иванов (все трое члены Исполн. К-та Р. С.) получает назначение отправляться в Марьинский комиссариат, взять всех милиционеров, которые там были в наличности и направиться со стороны Марьиной Рощи на „Олимпию“. Мы же должны были со своим от-

рядом итти по Александровской улице, чтобы, таким образом, отрезать отступление юнкеров. Пока мы с Якуненко разбудили конвойную команду, иагрузнли штук 30—40 винтовок и патронов, отправились с отрядом конвоиров человек в 10—15 к „Олимпии",— в это время там было уже все лнквидировано тов. Ивановым с 3—5 милиционерами.

По прибытии в „Олимпию", как рассказывает тов. Иванов, оказалось, что в этот вечер в театре должен был быть концерт и должен играть оркестр из юнкеров Александровского училища. Юнкера в назначенное время приехали играть, а им владелец жалуется, что здесь в районе хозяйничает какой то ревком, и что по его распоряжению заият театр, а потому концерта не состоится. Осталось невыясненным, кто был зачинщиком наступления юнкеров на „Олимпию", то-ли владелец обратился за помощью к юнкерам, то-ли последние сами в те дни проявнлн широко свою инициативу.

После того случая был назначен новый комендант штаба (кажется, тов. Шнырев с завода Ильина или Муцынек с в.-арт. завода, точно не помню). В распоряжении последнего уже имелось достаточно солидная, для того момента, хорошо вооруженная группа, человек в 60—70 с винтовками, с достаточным количеством патронов, пара десятков человек с револьверами, берданками и пр. и сотни рабочих, ожидающнх оружия. Таким образом, за вычетом того, что мы раньше еще отправили в центр, районный ревком чувствовал под собой реальиую почву в лице этого отряда.

Наученные горьким опытом иеожиданиого посещения юнкеров, нашн штабные работники, несмотря иа ночь, разыскивают мешки, насыпают их землей и баррикадируют главные входы в „Олнмпию". Всюду выставляются караулы, как у здания при входах, так и в близлежащем районе. На ф-ках и заводах также кнпит работа по приведению в боевой вид рабочей массы, вооружаются всем, что удалось захватить за это время, создают боевые руководящие тройки (точно не помню органнзацнонные формы этих оргаиизаций на местах), в задачи которых входнло поддержание связи с районным ревкомом, организация отрядов, поддержання революционного порядка в своих предприятиях и пр.

Между 12 и 1 час. ночн с 26 на 27 было назначено заседание районного ревкома, но некоторые члены ревкома отсутствовали, и заседанне не состоялось. Собралось человек семь членов ревкома и исполкома. Обсуждаем происходящие события. Информируем центр о положении и работе в районе и узнаем о положении в других районах и в центре. Часа в 2 ночи, не помню,

с кем, решили об'ехать район и все милицейские комиссариаты. В районе и комиссариатах — все спокойно, в последних новое революционное начальство делает распоряжения только по исполнению приказаний районного и Московского ревкомов, и не выполняет приказаний градоначальства, которые поступали с утра 27-го октября (из этого можно заключить, что районы были активнее центра и первые заняли и подчинили себе такой важный орган, как управления милиции). Возвращаясь мимо „Олимпии", мы видели необыкновенно кипучую жизнь в ней по сравнению с районом, погрузившемся в зловещую тишину.

Часа в 4 утра, собравшись опять в старом помещении Совета, решаем окончательно перебраться в новое помещение. Сообщаем об этом в центр, на ф-ки и на заводы, забираем дела ревкома, садимся на машину и едим к „Олимпии".

На машине едут т.т. Ходырев, Иванов, Факторович, Ермолаев и я. Только под'ехали к „Олимпии" (саженей на 50), как вдруг раздается залп, жужжит целый град пуль, шоффер пытается дать задний ход, но ничего не выходит: его ранили в нескольких местах и он. вылезая на мостовую, кричит: „братцы, сдаюсь". В это время слышно, как бьют на втором этаже „Олимпии" стекла и начинают обстреливать нас и снизу и сверху. Т.т. Ходырев, Факторович и Иванов выскакивают из машины и по стенке бегут обратно к Екатерининской площади, Ермолаев тоже вылез из машины и тащит меня за рукав, предлагает бежать. В этот момент пуля попадает в единственный горевший фонарь, и улица погружается в тьму.

Я сижу в машине и недоумевающе кричу стреляющим, что это свои и чтобы они прекратили стрельбу, но за выстрелами и шумом меня не слышно. Я был уверен, что это обстреливают нас свои, так как часа полтора тому назад мы проезжали мимо „Олимпии", и там было все спокойно. Решаюсь покинуть шоффера, выскакиваю и догоняю по правой стороне улицы Ермолаева; выстрелы все продолжаются, но начинают стихать. Добежав с Ермолаевым до Александровского пер., мы останавливаемся. Он легко ранен в мякоть ноги, я делаю ему перевязку из носового платка и убеждаю его вернуться к „Олимпии", доказывая, что это обстреляли нас свои. Идем обратно, фонари автомобиля освещают мостовую, видим около него ходят люди, поднимают шоффера и несут в „Олимпию". Доходим до угла Трифоновского пер., видим на посту стоят два красногвардейца и, мирно покуривая, обсуждают происшедшее. Мы страшно злы на наших штабных распорядителей. Оказывается, комендант, выставив усиленный наружный

Т. Людвинская. Член военно-революционного комитета Сущевско-Марьинского района.

караул, не передал ему условного знака для едущих наших машин, который заключался в трех продолжительных гудках, что иами, когда мы под'езжали, и было исполнено. Комендантом такая „мелочь“ была упущена из вида, а патруль нас принял за юнкеров и оказал должиую встречу. В общем, этот небольшой эпизод из первых наших боевых шагов достаточно характеризует тогдашнее положеиие: во-первых, что рабочие без боя не сдаются, и, во-вторых, показывает, что мы совершенно не знали самых элементарных правил военной техники, в то время, как наши противники были отборнейшими квалифицированными вояками.

Пара часов отдыха и задушевных бесед на квартире т. Ходырева побороли усталость в результате беспрерывной 48 часовой лихорадочной работы без сна и пищи, и мы вновь направляемся с т.т. Ивановым и Факторовичем в ревком. В этот день с утра (27/X—17 г.) ии одно предприятие в районе ие приступило к работе. Рабочие беспрерывными партиями приходили в „Олимпию“ для получения того или иного распоряжения ревкома. Некоторые из них приходили в надежде стать под ружье на революциоином посту, другие просто за информацией и засвидетельствовать своим приходом солидарность с политикой Советов Депутатов.

„Олимпия“, начиная с лестницы, фойе и зрительного зала, была настолько полна народом, что трудно было пробраться за занавес на сцену, где должен быть ревком.

Было часов 9—10 утра, и никакого из членов ревкома не было. Позже подошли тов. Людвинская, Кузнецов, Щербаков и Прохоров, а остальных членов ревкома не было. Тов. Кольцов, еще накануне заявивший себя больным, ушел часов в 12 ночи и больше не явился; тов. Аболь сидел в каком то комиссариате комиссаром. Тов. Ходырев, будучи контужеииым, также не пришел. Собравшиеся члены ревкома и члеиы исполкома решают устроит расширеиное совместное заседание, на котором постановили доизбрать ревком вместо троих выбывших товарищей другими. Дополнительно избираются в ревком т.т. Якуненко с завода Густав Лист, Ермолаев, не помню от какого предприятия, и Неедов от фабрики Богорова и патроиного завода.

Обновленный ревком, ие теряя ни минуты, приступает к работе. Прежде всего нужно было ориентироваться, что происходит в цеитре, так как оживленная перестрелка могла сказать только одно, что буржуазия при поддержке эсеров и меньшевиков, опираясь на штыки юнкеров и офицерства, без боя не уступит из своих рук власти.

Командированные в центр за информацией товарищи приносили недобрые вести: положение Московского ревкома очень серьезно, сил мало, а юнкера все теснее и теснее сжимают в кольцо б. дом генерал-губернатора, в котором заседал ревком и его штаб. Один из товарищей сообщил, что по районам раз‘езжают юнкерские броневики и громят районные ревкомы и Советы. Несмотря на такую скудную и далеко не из хороших информацию ни на одну минуту не упало настроение ни у ревкома, ни у массы, находящейся в „Олимпии“.

Ревкомом на своем первом же заседании в этот день был прежде всего обсужден план обороны района и, в частности, подступов к ревкому. Мы еще до получения этой информации не исключали возможности налета юнкеров на ревком, поэтому и занялись намечением плана обороны. Второй нашей задачей было во что бы то ни стало достать как можно больше оружия для раздачи невооруженной массе и посылки отрядов на поддержку центра.

План нашей обороны, с точки зрения военной стратегии, был до наивности прост и заключался в том, что мы ограничились прорытием 2—3 рвов на дорогах, откуда больше всего была возможность появления неприятельских броневиков. Без особых саперных инструментов рабочие в течение нескольких часов перерезали Александровскую ул. на повороте от Екатерининской пл. к Марьиной Рощи, на Трифоновской ул. и еще в каком то месте не помню. Откуда то достали колючей проволоки и к вечеру в саженях двухсот от рва на Александровской ул. появляется проволочное заграждение, натянутое на трамвайные столбы.

В это время тов. Прохоров с несколькими надежными товарищами отправляется на какие-то вокзалы за розыском вооружения для района; помнится, что в этот день они не вернулись, там им не выдали винтовок, потому что перед ними, как выяснилось впоследствии, юнкера по подложным документам получили винтовки и уехали. Документы тов. Прохорова представляли из себя какой-то клочок бумажки за неразборчивой подписью и без печати, и потому товарищам из других районов не внушали доверия.

Но так или иначе у нас на следующий или на третий день, точно не помню, появляется несколько ящиков новых винтовок. Вновь кипит работа по формированию свежих отрядов и посылке их в центр. Весь этот день прошел в организации обороны, налаживании работы нашего штаба, установлении связи с центром и другими районами. Вечер и ночь были посвящены обыскам в

Театр „Олимпия“, Александровская улица (ныне театр „Коммуна“).
Здесь помещался военно-революционный комигет Сущевско-Марьинского района.

подозрительных домах, где жили видные белогвардейцы и было массовое скопление офицеров, где предполагалось оружие. Наши подозрения не были напрасны, и в большинстве случаев в намеченных домах находились и подозрительные элементы и оружие, главным образом, револьверы различных систем. Всюду отборка оружия осуществлялась уполномоченными ревкома, без особых инцидентов и сопротивления. Только какой-то генерал решил защищаться до последней крайности и, не желая отдать своего оружия, вступил в бой с т. Щукиным (рабочий в.-арт. зав.— умер в 18 или 19 г.), который был с „отрядом" в 2—3 чел. В результате перестрелки генерал был прикончен на месте.

Параллельно с обысками велась охрана революционного порядка в районе; милицию с постов сняли и заменили патрулями ревкома, которые много за эти ночи выловили бандитов.

И эта ночь прошла в беспрерывной работе ревкома, и никто не сомкнул глаз.

На утреннем заседании ревкома кто-то из приехавших товарищей из центра передает, что силы Московского ревкома на исходе, что комитет общественной безопасности и белогвардейский штаб потребовал сдачи ревкома, разоружения рабочих и и всякие другие требования, которые обычно пред'являются победителями.

На третий день уличной борьбы белогвардейский штаб уже готовится почивать на победных лаврах и расправиться надлежащим образом с побежденными. Несмотря на это, директивы центра сводились к тому, чтобы не терять ни минуты и организовывать силы. У нас на исходе патроны. Снаряжаем экспедицию (сейчас не помню всех, кто ездил за патронами, а помню одного тов. Сыс) на грузовике в Симоновские пороховые погреба за патронами. Вместо Симоновских погребов наша экспедиция попадает в лапы юнкеров, те их отвозят не то в Кремль, не то в Александровское училище, избивают там основательно, отбирают документы, деньги и револьверы и держат несколько дней в голоде.

Весь этот день прошел в организации отрядов на смену стоявшим в центре с начала боев наших отрядов и постов, в доставке им горячей пищи и пр.

Часов в 9 вечера приезжает в район один из членов Московского ревкома, кажется, Розенгольц или Усиевич и делает на заседании районного ревкома доклад о подписанном перемирии между белогвардейским штабом и Моск. ревкомом сроком на 24 ч. Цель этого перемирия, насколько мне помнится, была та·

кова, чтобы найти удовлетворяющий обе стороны способ прекращения кровопролития и заключения мира. Естественно, что наш ревком не мог обойти молчанием создавшегося положения. Сейчас не помню, как велись прения по этим вопросам, кто принимал в них участие, только помню, что в результате горячих прений произошел инцидент с анархистами. Анархисты, как и всегда, занимали самую крайнюю (до абсурда) позицию и не приминули эту линию вести в ревкоме. Политическое соотношение в нашем ревкоме было самое разношерстное: членами Р.С.Д.Р.П. (б) были Людвинская, Якуненко, Щербаков и Прохоров, левый эсер—Кузнецов, член Р.С.Д.Р.П. (об'единенцев-интернационалистов)—Нефедов (он голосовал по всем вопросам с большевиками), анархисты—Ермолаев и Факторович, последний—секретарь ревкома. Хотя абсолютное большинство в ревкоме и было за большевиками, но на этом заседании кого-то из них не было, а потому долго не могли притти к согласованному решению. Инцидент с анархистами произошел на почве подчинения Московскому ревкому о соблюдении районами подписанного перемирия. Анархисты заявили, что они не желают подчиниться решению центра о перемирии, и поэтому они, держа наш штаб в своих руках, (как-то получалось все так, что руководящая роль в нашем штабе принадлежала анархистам), и не отдадут нашим отрядам стоявшим в центре на некоторых позициях приказа о прекращении боевых действий. Дело дошло до того, что Кузнецов (он был председателем) категорически потребовал подчиниться постановлению ревкома и выполнить его приказ, но Ермолаев, ухватившись за браунинг, кричит, что они не подчинятся, и кончено.

В конце концов страсти улеглись, начали более спокойно обсуждать создавшееся положение и пришли к определенному решению. Решение это заключалось, насколько мне помнится, в том, что мы подчиняемся постановлению Московского ревкома, но считаем, что мир может быть подписан только на условиях передачи власти Советам, вооружения рабочих и т. д. Мы считали, что положение создалось такое, что рабочий класс должен выйти из этой борьбы полным победителем, в противном случае буржуазия только на трупах рабочих может восстановить свое господство.

Кажется, и остальные районы высказывались в таком же духе, но независимо от этого перемирие все же было сорвано. С вечера было стихла перестрелка, но ночью опять усилилась, а к утру происходили ожесточенные схватки и по более поздним донесениям во многих местах наши одерживали победу.

Вся ночь прошла в поддержании беспрерывной связи, как с центром, так и с соседними районами, главным образом, с Бутырским и Городским.

На четвертый день борьбы, часа в 3—4 дня, наша артиллерия начала обстреливать места скопления юнкеров. Вначале мы думали, что это юнкера открыли по нашим артиллерийский обстрел, но когда выяснилось, что это стреляет наша артиллерия, то сразу у всех поднялось настроение, и еще энергичнее закипела работа.

В эти дни в центре во всех углах гремят пулеметы и ведется оживленная перестрелка. Условия борьбы были таковы, что мы не знали, где стояли наши, где противник. Выполняя различные задания ревкома или штаба, днем и ночью раз'езжая то по району, то в другие районы или центре, мы, наученные горьким опытом, больше всего остерегались попасть под обстрелы своих.

Характерно отметить методы борьбы, применявшиеся в те дни буржуазией. Я получаю приказ, на 4-й день было, кажется, от своего штаба взять отряд красногвардейцев в 30 чел. и сменить наш же отряд, стоявший в Столешниковом пер. бессменно 48 час. Сели на грузовик. Все больше рабочая молодежь, никто никогда и винтовки не держал в руках, не знают самых простых приемов, применяемых в боях.

С революционными песнями доезжаем до Самотечной пл., все было благополучно. Слезаем, так как дальше на грузовике было опасно ехать, строимся... Вдруг, по нас открывается перекрестный огонь сразу из нескольких домов. Вначале определить откуда стреляют совершенно не было возможности; обстрел усиливался, и пока я ориентировался, откуда стреляют, вокруг меня на площади не оказалось ни одного красногвардейца. Гляжу, кто сидит за тумбой, кто за столбом, но не уходят. Собираю. Увидели дымки от выстрелов с чердаков двух домов. Рассыпаемся в цепь и берем под жесточайший обстрел эти дома; через несколько минут оттуда прекратили стрельбу, в свою очередь прекратили и мы.

Не обращая внимания на эти дома, потому что уже привыкли к этим методам борьбы, применяемым буржуазией, идем по Цветному бульвару дальше. Не дойдя Трубной пл. около Бол. Сухаревского пер.—такая же история: опять обстреливают еще сильнее, чем на площади. Останавливаемся,—открываем по дому, из которого стреляют, огонь, заставляем замолчать и идем произвести обыск в этом доме. Навстречу нашему отряду идет

красногвардейский отряд Городского района с той же целью, что и мы. Этот дом давно у них был на подозрении, и они направляются произвести в нем обыск, а мы возвращаемся по своему назначению.

Вот в таких условиях, в условиях поголовного шпионажа и предательских выстрелов из-за угла, пришлось вести борьбу революционным рабочим с прекрасно обученными и вооруженными юнкерами и офицерами.

В этот день к вечеру по информации из центра положение Красной Гвардии и частей Московского ревкома улучшается настолько, что в некоторых местах наши стали теснить юнкеров.

Общее настроение поднималось, уверенность в победе стала больше и больше.

Вечером в этот же день получаем из центра или из Бутырского района, точно не помню, сообщение, что по Виндавской дороге, находящейся в тылу нашего района, откуда-то идет эшелон казаков на поддержку юнкерам. Начинаем принимать меры к надлежащей встрече. Посылается разведка на вокзал, на товарную станцию, устанавливается связь и наблюдение за движением по дороге. Поздно ночью направляюсь с одним красногвардейцем предупредить ревком Городского района о возможности высадки казаков и прохода их по 1-й Мещанской, через Городской район. Добравшись благополучно до ревкома Городского района, который помещался в одной из чайных на Сухаревской пл., нахожу там картину кипучей работы, аналогичной нашему ревкому. Ни одного спящего, все на ногах; здесь опрашивают задержанных юнкеров, офицеров и подозрительный элемент, там происходит кормежка сменившихся красногвардейцев, тут же перевязочный пункт, и во всей этой сутолке, в одной из комнатушек заседает ревком и обсуждает, кажется, какой-то план наступления, не то на телефонную станцию, не то продвижения к Кремлю. Сообщаю о положении дел в нашем районе, о казаках и пр. Принимаются меры...

На следующий день выясняется, что это пришел эшелон 55-го пех. полка из села Павловского на поддержку частям Московского ревкома. Вместо драки с казаками, мы ликуем о пришедшей поддержке и провожаем их в центр.

Таким образом, рабочий класс, в процессе ожесточенной борьбы, организует свои силы; их с каждым днем прибывает все больше и больше, вооружения уже хватает настолько, чтобы отпускать на фабрики и заводы. Борьба продолжается. Перевес заметно на стороне красных, а не белых, но борьба приняла

такой характер, что мы никак не ожидали конца ее в ближайшие дни. Появление на следующий день часов в 5 вечера в нашем ревкоме представителей центрального штаба с сообщением о полной победе рабочей революции застало нас врасплох. Было немедленно отдано распоряжение нашему штабу об отдаче нашим отрядам приказа о прекращении военных действий, так как Московский ревком заключил мир на почетных для рабочего класса условиях.

Ликованию не было конца. Все, кто находился в „Олимпии“, несмотря на усталость, на беспрерывную работу без сна, на селедке, без хлеба в течение семи суток, приняли сияюще-торжественный и бодрый вид. Все облегченно вздохнули и первыми вопросами, которые задавались со всех сторон, были вопросы о Питере, о фронте, провинции и пр.

После такой ожесточенной семидневной схватки, когда в первые два-три дня были перспективы полного поражения рабочих, ни у кого уже не возникало больше вопросов, что фронт и провинция не присоединятся.

Часов в 8 вечера садимся с тов. Воскресенской на машину и едем в Московский ревком. Москва погружена в такую темь, что ничего не видно за 5—10 шагов. Едем по Лесной, Тверской к дому Московского ревкома. На каждом углу нас окликают наши посты и спрашивают пропуск, душе как-то хорошо, хорошо. Сознание того, что рабочий класс победил, что его революцию защищают на каждом углу молодые, полные веры в конечную победу сыны рабочего класса, что всюду наши и наши как-то делает тебя бодрым, полным сил и энергии и готовым, в любой момент вновь вступить в ожесточенную схватку с буржуазией за дело рабочего класса.

В бывш. доме генерал-губернатора, где помещается Московский ревком, творится что-то невообразимое. На лестницах, в корридорах, во всех комнатах, сидят, лежат, стоят группами вооруженные рабочие и солдаты; кто вспоминает боевые схватки с юнкерами, кто ест консервы и здесь же бросает пустые банки, кто предался беззаботному сну, после долгих часов без сна, а в общем очень красивое и торжественное зрелище. В одной из комнат на стуле стоит усталый и закопченый тов. Смидович и митингует с красногвардейцами и солдатами. Наконец, добрались до штаба, подробно информируемся о положении в Москве и Питере и возвращаемся в район.

На следующее же утро ревком заваливается новой работой, работой, которая в первые же дни как то не подходила к

нам—революционерам. Мы привыкли к революционной борьбе, к разрушению созданных устоев, а здесь извольте разрешать вопросы по налаживанию мирной жизни района.

Несмотря на отчаянный саботаж бывших чиновников различных общественных учреждений, нам удается с помощью рабочих наладить хотя какой-нибудь аппарат. Помню, как мы сидели за столом на площадке лестницы „Олимпии“ и к нам тянулся огромный хвост посетителей с различными просьбами и делами. Нужно было достать продовольствие, обеспечить нормальную жизнь больниц, госпиталей и школ, и все это рабочими, без чьей бы то ни было помощи, улаживалось и разрешалось. Самым боевым отделом в первые дни по окончании боев был отдел Труда, куда, главным образом, шли с различными жалобами рабочие и работницы на своих хозяев за все обиды и притеснения, которые они переносили. Главная масса конфликтов происходила из-за неуплаты хозяевами за дни Октябрьского переворота. Хозяева так боялись ревкома, что по первому его предписанию являлись, а если какой из них запротивится, посылался красногвардеец и немедленно доставлял его. Все конфликты, конечно, решались в пользу рабочих, и озлоблению буржуазии против ревкома не было конца.

Итак, мы вступаем в новую полосу революции, в полосу первоначального, организационного, советского строительства. Критике, насмешкам и клеветам в буржуазных газетах, которые в первое время после переворота выходили, не было конца. На нас клеветали, лили помои, высмеивали наше неумение руководить общественной жизнью. Как на пример, укажу на одну заметку тех дней, помещенную в газете „Раннее Утро“, которая наглядно доказывает, как буржуазия иронически относилась к тому, что Совет может быть у власти, что он сможет управлять страной.

Вот эта заметка:

Большевистские таланты.

„Нам доставлен следующий курьезный документ, скрепленный печатью И. К. СРДСМР. Приводим документ с соблюдением во всей чистоте его первобытной орфографии:

„Предписую 3-й Марьинский участок, нач. участка, чтобы приняти меры по Александровской ул. 5-й проезд, д. 37., кв 6. Алексея Ломакина в виде его распущении семеинова положения что предписую от В. Р. К. С. Р. и Д. С. М. Р.

Нач. Штаба Сухинин“.

К сожалению, нам неизвестно, было ли большевиками исполнено „предписание“ насчет „распущения семеинова положения“ Алексея Ломакина, ио надо полагать, что бедняге не поздоровилось. Замечательные таланты обнаруживаются у большевистских админнстраторов.

Жаль только, что г. Сухонин числится у большевиков „начальником“ какого то „Штаба“, а ему бы в консистории служнть по части бракоразводных дел“.

Итак, несмотря на то, что вначале мы были слабы, не умели обращаться с оружием и не знали самых элементарных нстин военной техники, мы победили врагов рабочего класса, которые сотни лет учились, как воевать, как лучше зажать в тнски рабочие массы. Не успевши окончить боев, приступили к советскому строительству. Больше недели после переворота действовал ревком, разрешая все жизненные вопросы в районе. Созывается расширенное собрание районного Совета совместно с фабрично-заводскими комитетами, т. Кузнецовым и мною, и делается подробный отчет о работе ревкома за время переворота и последние дни по налаживанию нормальной жизни в районе. Собрание прннимает резолюцню, одобряющую работу н политнку ревкома и избирает постоянную власть в лице Исполнительного Комитета С. Р. Д. Сущевско-Марьинского района.

Пять лет прошло с тех пор. Мы пережили годы беспрерывной гражданской войны, многие не вернулись с ее фронтов и нет таких, кто не побывал бы по несколько раз на фронтах. Советская власть существует, несмотря ни иа что.

Ее существование доказывает, что дело, начатое в октябре 1917 г., будет доведено до конца.

Дело рабочего класса находится в вериых руках РКП.

Она так же, как в Октябре, верна Октябрьским заветам и не сойдет с революционного поста.

М. Нефедов.

Эпизоды борьбы.

Узнав на заседании районных дум о выступлении белогвардейцев, я немедленно сообщил об этом дежурному члену завкома военно-артиллерийского завода, тов. Цыганову и секретарю завкома, тов. Доман, прося их снять с работы из ночной смены всех членов партии и сочувствующих и направить их в распоряжение районного ревкома.

Через 10 минут мы с тов. Щукиным и другими членами думы с нашего завода пришли на завод.

Во дворе нам представилось красивое зрелище: выстроившись десятками, стояли члены партии и сочувствующие. Стройными колонами они отправлялись в распоряжение Бутырского и Сущевско-Марьинского ревкомов.

Рабочие, встревоженные уходом коммунистов и им сочувствующих, остановив работу в мастерских, быстро заполнили весь двор.

Не успели мы взобраться на заводскую трибуну, как со стороны центра началась ружейная и револьверная перестрелка.

Об'яснили рабочим важность происходящих событий и призывали их на баррикады, где мы должны или победить, или умереть. Этот призыв был так близок рабочим, что многие, в особенности женщины, плакали.

Как будто электрический ток пробежал по этой двухтысячной массе. Порыв масс был так велик, что увлек многих наших противников-меньшевиков и с.-р. Вся эта масса, сорганизованная в десятки, быстро направилась в распоряжение Бутырского и Сущевско-Марьинского ревкома. Небольшая часть была оставлена для охраны завода. Здесь же выделена группа женщин в разведку, санитарные отряды, заведывать продовольствием и доставать таковое и т. д.

Большое подспорье в смысле снабжения продовольствием в первые сутки оказывало нам заводское о-во потребителей — „Пролетарий“, члены правления которого, меньшевики, молча, по первому нашему требованию отпускали необходимые продукты.

В первую ночь боев рабочие артиллерийского завода, заняв театр „Олимпию“, ждали дальнейших распоряжений. В здании царил полный хаос. Члены ревкома отсутствовали, каждый десяток и отдельные группы товарищей сами решали, кому чем заняться, сами, без всякого плана, направлялись отрядами без оружия по направлению несущихся выстрелов.

Нужно было не дать сорганизоваться противнику, и наши отряды в первую очередь стали занимать милицейские участки, заняв их без всякого боя. Многие отряды занялись обысками в подозрительных местах и в квартирах, населенных офицерами, у которых отбиралось оружие.

Перед выступлением во всем районе было 4—5 старых ружей, да и те не все работали. Первое оружие, которое мы получили, это было около 17 берданок, полученных из конвойной команды, находившейся против завода, присоединившейся к Советам. Одно из этих ружей было оставлено для охраны артиллерийского завода, а остальными вооружили рабочих, направленных в распоряжение ревкома.

На другой день работа стала входить в организованные рамки. Снабжение продовольствием было возложено на председателя районной управы, тов. Комаринец и члена управы, заведующего продовольственным отделом, тов. Успенского, каковая работа ими выполнена весьма успешно.

Все силы района были направлены в места происходящих боев. В самом районе были лишь отдельные небольшие стычки.

Отдельные отряды пытались вести наступление по Цветному бульвару, но были засыпаны дождем пуль и вынуждены были отступить.

Более удачные набеги отряды делали ночью. Отрядов было так много, что они, обложив кольцом территорию, занятую белогвардейцами, не давали им покоя, выбивали их из отдельных домов, переулков, улиц, постепенно суживая кольцо белогвардейцев. Большое количество отрядов было брошено в район Бронной, где шла крайне упорная борьба, переходящая, в особенности ночью, в рукопашную схватку. Белогвардейцы здесь обстреливали с чердаков, крыш стреляли из пулеметов, бросали бомбы. Ничто здесь не смогло остановить нашего напора. Кровь не устрашала работниц-санитарок,—они сновали всюду, подбирая раненых, развозя их в ближайшие больницы.

Во время самого разгара боев я получил извещение, что в Орликовом переулке, где я жил, со мной желает встретиться солдат, только что бежавший от белых.

Проходя по Садовой на это иеожидаиное свидаиие среди гула пушек и трескотни ружейной перестрелки, переваливая за Сухаревскую башню, я слышал, что перестрелка усиливалась.

Спасские казармы представляли красивое зрелище: иа верхушках стеи, ощетинившись блестящими штыками, стояли солдаты. Трах, тра, та, та, та, та... трещали их ружья. Здесь же вблизи вып пулемет. Ух-бух, ух-бух—грохотали вдали пушки. Все эти звуки сливались в торжествеииый гул.

На углу Орликова переулка рабочие, оцепив гигаитский дом Орликовых, взбираются иа крышу, чердак, разыскивают стрелявший в иих пулемет.

На квартире я встретил одетого в штатское платье с добродушным лицом юиошу, оказавшегося тов. Шуевым (тогда беспартийиым, ныне коммуиист и комиссар одного из конных заводов иа юге). Тов. Шуев рассказал, что ои был переведен из одного полка в юнкерское училище, где и застала его Октябрьская революция. Во время иачавшихся боев отряд, в котором он находился, был помещен в помещении ресторана иа углу Арбата и Арбатской площади. В этом помещеиии у них сложеио миого бомб и разного оружия. Есть два пулемета: одии поставлеи во дворе против ворот, а другой иа верхием этаже дома. Среди юикеров этого отряда было полиое разложение. Одни ругали большевиков, готовы были идти и стрелять в иих, другие высказывались за большевиков и защищали их. Были и такие, которые старались примирить эти группы.

Шуев ждал случая попасть иа улицу для дежурства. Случай такой представился, и он вместе с винтовкой сбежал к родствеинику, жившему иедалеко от Арбата. Переодевшись в штатское, оставив ружье, украдкой миновал патрули и пришел в Орликов переулок к жившей там сестре. Из дальиейших разговоров я выяснил место нахождеиия белогвардейского штаба, где и какие орудия у них стоят, узиал что иа Арбатской площади у иих стоит пушка, где и как расположеиы их отряды и т. д.

Все эти сведения были так важны, что я отправился немедля в Московский военно-революциоиый комитет.

Все получеиные мною сведения я сообщил тов. Усиевичу, который их внимательио записал. На другой, приблизительио, деиь стрельба из пушек стала такой меткой, что снаряды стали попадать в здание белогвардейского штаба. Одии из сиарядов попал прямо в окно и произвел большую паиику по сведеииям сидевшего там в плеиу т. С.

Некоторые отряды из нашего района, перемешавшись с отрядами из других районов, весьма успешно выбили белогвардейцев из занятых ими домов по Никитской улице, тесня их от Газетного переулка по направлению к Никитским воротам.

Попытки подкупить красногвардейцев здесь не увенчались успехом. Попытки споить красногвардейцев вином также потерпели поражение.

2 часа ночи. По Большой Грузинской огни не горят, только проходящие нарушают тишину.

Стой! Кто идет?!—раздается зычный голос.

Из за угла зоологического сада выскакивают несколько человек в засаленных блузах и пиджаках с револьверами, направленными в упор.

„Свои!“ кричим в ответ.

Через две минуты мы окружены со всех сторон. Показав свои мандаты, мы направляемся дальше. Осенний, холодный, сырой, с крупинками дождя ветер пронизывает нас насквозь, заставляет ежиться.

Проходим по Кудринской улице. Темно, в двух шагах невозможно различить человека. Когда проходили по двору здания Пресненского ревкома, вдруг раздался как бы у самого уха пушечный выстрел, который был так силен, что оглушил нас, заставил вздрогнуть землю. Через четыре шага мы заметил с обращенным на улицу жерлом пушку.

Внутри помещения светло, набито полно народом, кругом шум, смех, пьют, едят. Настроение крайне повышенное.

В комнатке ревкома тов. Беленький встречает нас с распростертыми об‘ятиями, угощает чаем, хлебом и мясными консервами, отнятыми, по его словам, у юнкеров. Обрисовывает положение района, успехи на местах сражений. Уверенность в скорой победе сквозит в его словах. Интересуется происходящими событиями в Сущевско-Марьинском районе.

Илья Батышев.
Рабочий артиллерийского завода.

Работница в Октябре.

Я помню, работала в пятницу, в ночной смене. Приходит к нам т. Битте и ставит нас в известность о том, что в центре что-то, происходит, и мы все должны быть готовы и ждать распоряжения.

Помню, было созвано общее собрание рабочих и работниц. Тов. Батышев выступил с призывом к рабочим и об‘яснил каково положение в настоящий момент. Когда он сказал:

„Сегодня мы с вами здесь, а завтра, может быть, умрем на баррикадах“, то это так сильно тронуло сердца рабочих и работниц, что многие заплакали.

После собрания стали организовывать десятки; я была зачислена в один из них. Направились в театр „Олимпию“, где я получила назначение отправиться в санитарный отряд на Нижн. Масловку, в распоряжение т. Розовой. Вслед за мной пришли т. т. Борисова, Спростынь и Герц.

Во главе с т. Вейнберг мы стали организовывать здесь санитарный пункт. В ближайшей аптеке достали медекаменты и все необходимые перевязочные средства. Тов. Вейнберг была старшей сестрой, руководившей нами.

Раненых поступало к нам очень немного, и я часто поэтому отлучалась в „Олимпию“ и в центр.

Как-то, как раз во время прихода моего в Олимпию, началась перестрелка. Я страшно испугалась, что будут стрелять в окно и встала в простенке между окнами. Стою ни жива, ни мертва. Через некоторое время все из помещения исчезли; осталась я, да один товарищ (Крастин), дежуривший около двери с винтовкой, взятой на изготовку. Спрашиваю — „где товарищи?“. Тов. Крастин отвечает, что никого не видал. Пошли искать черный ход. Около него оказались построены баррикады из кирпичей и мешок стоял с цементом. Я через него полетела вниз головой по лестнице. Выбралась кое-как на улицу—никого нет. Видела только тов. Румбнек, который нес две винтовки.

Я пошла на санитарный пункт, где мы несли дежурство. Я и тов. Спростынь были там без отдыха, домой не ходили. Во

время смены мы там же обучались стрельбе из винтовки. Не помию фамилию рабочего из Бутырского района, который нас обучал.

26-го иочью мы решили поехать иа машине в цеитр, взяли с собой медикаменты и один рабочий, тов. Федоров из Бутырского района, который из'явил желание быть за шоффера, так как машин было четыре, а шоффера не было ни одного. Итак, мы поехали, доехали до угла Тверской, как машина стала — не было бензииа, и иам пришлось пойти пешком.

Пешком мы добрались до Московского Совета. Там в комиате № 13, где был устроен перевязочный пуикт, мы пробыли до следующего дня.

После тов. Спростынь и я решили пойти ко мне на квартиру, обе голодные. У меия там оставался хлеб.

Пообедали мы в полуподвальном помещеиие, где я жила, в Божед. пер., д. 5, и пошли в цеитр.

На пути встретили тов. Ашек, которая пошла тоже с иами. Мы надели на рукава повязки-кресты. Идем. Везде патрули, но нас не задерживают. На Театральиой площади иас остановил патруль юикеров и передал другому, чтобы направить в здание городской думы. Привели нас и стали спрашивать, зачем мы сюда пришли. Мы отвечали, что даем помощь всем раненым. Они просили иас остаться, но мы отказались. Тогда они иас заперли и после нескольких часов отпустили.

Хотели пробраться к Троицким воротам. По дороге встречаем тов. Муценек. Ои иам об'ясиил положение 150-го полка, который находился в Кремлевских казармах. После переговоров с ним мы встречали много наших разведчиков, которые нам передавали иекоторые сведеиия. На улицах приходилось делать много перевязок обывателям, которые случайно попадали под выстрелы.

Пробравшись по Б. Дмитровке до Малой Дмитровки, мы прибыли обратио в свою часть. Пробыли сутки на дежурстве. Привели арестованных юнкеров и офицеров и среди них было две жеищины из „батальоиа смерти". Мие и тов. Спростыиь выпала доля их кормить обедом. Во время этого оии нас осыпали всевозможными оскорблениями. Они говорили, что мы безумиы, что мы слепое орудие в руках германских шпионов.

Мы ие могли спокойно это слышать, готовы были их разорвать, ио тов. Розова сказала, чтобы мы были с иими равиодушны.

Наконец, меня сменила тов. Борисова. Я прихожу домой и вижу картину: в моей убогой комнате лежит раненый брат моего мужа. Я кое-как забинтовала ему ногу и отправилась за тов. Вейнберг, которая сейчас же пришла, осмотрела рану, перевязала и ушла обратно на свой пост. Брат был очень силен. У Страстного монастыря работал за пулеметчика и, когда уловил момент, убил юнкера-пулеметчика, взял пулемет и потащил его к Совету. В это время из Чернышевского переулка в него картечью стреляли и ранили его сильно в ногу.

Несмотря на то, что у меня дома лежало двое раненых, я не покидала своего поста, продолжала нести дежурство до ликвидации фронта.

Татьяна Егорова.
Работница (6) военно-артиллерийского завода.

Девять дней.

Днем 25 октября происходило общее собрание команд 2-й запасной авто-роты (в доме Курникова) по вопросу о 2-м с'езде Советов. Была принята коротенькая резолюция о переходе власти Советам.

Будучи секретарем комитета 2-й школы военных шофферов и об'единенного комитета 4-х команд, я держал связь с военной организацией.

Вечером, после заседания комитета мне пришлось отправится в гостиницу „Дрезден“, чтобы получить информацию о с'езде Советов. Не добившись ничего, я ушел в военную секцию Московского Совета. Проходя по белому залу Московского Совета, я встретил здесь т. Усиевича, который коротко сказал: .

Власть перешла 2-му с'езду Советов, выбирается Московский ревком, надлежит собрать все боеспособные силы, и быстро скрылся в боковую дверь.

Узнать что-либо более подробно не представлялось возможным, ибо все уже находились на своих боевых постах.

Я поспешил к себе в часть, где позвонил по телефону в полковой комитет. Никто не ответил. Решил действовать на свой страх и риск. Собрал комитет, информировал его. Было решено на утро собрать об'единенный комитет.

6 часов утра 26 октября. Комитет в сборе. На повестке дня 2 вопроса: о переходе власти Советам и выборы ревтройки. Члены комитета, эсеры и меньшевики, хотели сорвать заседание, но большинство постановило вопросы обсудить и решение вынести. В это время вошел прапорщик с двумя рабочими и потребовал 20 человек шофферов. На мой вопрос, куда и для чего нужны шофферы, вошедший пред'явил мандат от ревкома Москвы. Он оказался т. Штродах. Шофферы нужны были для того, чтобы сгрузить в Сокольники английские броневики. Я сказал ему, что он обратился не по адресу, так как предписание направлено полковому комитету. Тов. Штродах ответил, что в полковом комитете он уже был и что там, в казарме, его чуть не арестовали. Услыхав это, члены комитета—эсеры и меньшевики— из солидарности

с полковым комитетом, не желая участвовать в посылке шофферов, демонстративно покинули заседание.

В команде быстро узнали, что для ревкома требуются шофферы, и через 10 минут в комитет явилось 30 человек.

Решив заседание отложить, я с тов. Штродах и 30 шофферами, на грузовиках, отправился в Московский ревком. Там мне было предложено связаться с местными революционными организациями. Вернувшись обратно в команду, я узнал, что соглашатели сделали свое дело: учебная команда постановила выступить против команды 2-й школы шофферов. Не теряя времени, я с председателем пошел связаться с районом. Последний помещался на Селезневке, в д. 44. Мы попали на выборы райревкома. Общее собрание постановило предоставить два места представителям наших команд в райревкоме.

В 2 часа я снова созвал об'единенный комитет. Соглашатели отказались принять в нем участие. Комитет постановил: в ы б р а т ь 1) ревтройку, в которую вошли:—т. Кудрявцев (председатель школьного комитета), т. Курашев (его заместитель) и я, как секретарь комитета, 2) представителя в райревком — т. Вахрамова и меня, как беспартийного кандидата, 3) 32 человека нестроевой команды передать к-ту 2-й школы и 4) не обсуждать вопроса об учебной команде из-за присутствия нескольких левых эсеров и об'единенцев.

Собравшись, ревтройка постановила разоружить учебную команду. Что нам было делать дальше, мы не знали, ибо наш полковой комитет был занят вывозкой винтовок из Кремля. В казарме солдаты спорили друг с другом. Доходило до схваток в рукопашную. Некоторые требовали от комитета скорейших действий. Но как действовать? Где взять винтовки?

Наконец, получили извещение, что 27 октября в 3 часа дня в Политехническом музее состоится общее собрание всех комитетов Московского гарнизона. Вечером была вывешена декларация о том, что в Петрограде власть перешла к Советам. Наскоро собравшись, тройка обсудила положение и предложила командам не расходиться. Далее „тройкой“ на 27 число, в 10 ч. у., было назначено общее собрание с тем, чтобы, воспользовавшись им, разоружить учебную команду. Негласное постановление говорило: мне, как более сильному оратору, проводить собрание, а т. т. Кудрявцеву и Курашову, с надежными ребятами, в это время произвести разоружение.

Вот так начинали Октябрьскую революцию низы, т.-е. рабочие.

Вечер и ночь прошли спокойно. Утром 27 октября разоружили офицеров и подвергли домашнему аресту при части.

В 10 ч. утра было открыто общее собрание 4-х команд. Обсуждался вопрос о текущем моменте. Абсолютнейшим большинством голосов было принято решение выступить в защиту власти Советов. Едва кончилось общее собрание, как послышались крики со стороны учебной команды. В комитете я узнал, в чем дело: фельдфебель учкоманды требовал возвращения винтовок. После долгих тщетных переговоров ревтройка вынуждена была его арестовать. Вслед за этим часть учебной команды разбежалась и часть присоединилась к общей массе.

К 3-м часам об'единенный комитет отправился на общее заседание комитетов воинских частей г. Москвы. Вся площадь перед Политехническим музеем была занята солдатами, шумевшими в спорах с офицерами и юнкерами. Было уже больше 3 часов, двери музея не открывались, а солдаты с нетерпением ожидали открытия заседания. Некоторые офицеры начали распускать слух, что заседание не состоится, желая этим заседание сорвать. Но ни один солдат с площади не уходил. Ровно в 3 ч. 30 м. дверь открылась. Серая масса всколыхнулась, мощной волной приближалась к дверям. Зала заполнена, гул тысячи голосов. На кафедру подинмается группа людей. Аудитория замирает. На кафедре я узнаю т. Усиевича, Мостовенко и меньшевика Кибрика. Слева внизу, сгруппировались офицеры, юнкера, с. р. и меньшевики. Президиум состоял из т. т. Мостовенко, Шварца и третьего, фамилии которого не помню. Председательствовал т. Шварц. Первым выступил с докладом-информацией т. Усиевич. Слова оратора с жадностью поглощались аудиторией, и лишь изредка, из группы офицеров доносилось: „захватчики", „насильники", „узурпаторы", „шпионы".

По окончании доклада т. Усиевича кто-то крикнул: "Да здраствует власть Советов". Вся аудитория подхватила, и долго неслось несмолкаемое „ура"...

После т. Усиевича выступил Кибрик. Как только он начал читать свою декларацию от имени РСДРП меньшевиков, вся аудитория заволновалась и стала кричать „Долой! Слышали декларацию,—не одну!"

Председательствующий т. Шварц не смог остановить аудиторию. Слово взял т. Мостовенко, ему удалось восстановить спокойствие, но прочесть свою декларацию Кибрику так и не дали. После долгих и тщетных попыток высказаться, он вынужден был оставить кафедру.

Следующим выступил представитель комитета общественной безопасности, которого аудитория встретила так же враждебно, как и Кибрика. Последними взяли слово юнкера, офицеры и член 2-го с'езда Советов от г. Орла, заявлявшие, что они никогда не допустят перехода власти ревкому г. Москвы и сумеют отстоять власть временного правительства. На это один из солдат ответил, что гарнизоны, которые усмирял Рябцев, с нами,— против временного правительства.

Заседание закрылось мощным пением Интернационала.

Это историческое заседание, решившее и подтвердившее от имени Московского гарнизона переход власти Советам и готовность умереть на баррикадах за эту власть, останется мне памятно до последних дней жизни, как яркая страничка истории „Великого Октября"...

По выходе из музея я купил газету и прочел, что Рябцев предложил ревкому в кратчайший срок разойтись. События проходили с молниеносной быстротой. Нужно было быстро ориентироваться. Я узнал, что ревком вызов принял: ультиматум Рябцева отвергнут. По прибытии в часть, срочно созвал ревтройку, постановившую, в виду перехода к вооруженной борьбе, принять все меры, которые только были возможны. Был отправлен летучий отряд задерживать автомобили, не принадлежащие революционным организациям. К 12-ти часам ночи было задержано более 30 автомобилей. К утру затрещали пулеметы.

Утро 28 октября было серо, неприветливо. Обыватели толпились около своих под'ездов, распуская всевозможные слухи. Зайдя в ревком г. Москвы, я узнал, что сегодня ночью были первые столкновения,—„двинцев" с юнкерами, на Красной площади и самокатчиков с юнкерами, отбивавших Политехнический музей у последних.

К 2-м часам комитет отправился на заседание в Политехнический музей, а я остался в части, так как было неспокойно в командах. Созвав общее собрание, посвятил его текущему моменту и итогам вчерашнего заседания московского гарнизона. Абсолютнейшим большинством постановили выступить на баррикады, как только прибудут винтовки.

Вечер. Комитет прибыл с заседания московского гарнизона, на котором было постановлено принять бой. Комитет, собравшись, обсудил вопрос о доставке продовольствия. К концу совещания прибыл представитель ревкома т. Вахрамов, заявивший, что не может нести обязанностей, так как заболел, и просил его освободить. Об'единенный комитет удовлетворил его просьбу. Меня, как

каидидата, комитет утвердил члеиом и я должеи был отправиться в район. Перед своим уходом я созвал офицеров в комитет и сказал им, что если оии будут соблюдать иейтралитет, то они в полной безопасности; если же поведут агитацию, то иикто из члеиов ревтройки не берет за их жизиь ответствеиности. В это время входит иеизвестный человек, сказавшийся члеиом районного ревкома т. Сидоровым-Щербаковым, и, заявляя, что юикера грозят разгромить здаиие ревкома, просит сейчас же дать иесколько вооружеииых солдат. Я решил сейчас же отправиться сам с солдатами: „Кто хочет сегодия умереть на баррикадах,—пусть идет добровольно!" Через иесколько мииут в комитет явилось более 100 человек добровольцев. Взяв 12 человек, так как ие было больше виитовок, я отправился с иими в райои. Прибыв в „Олимпию", иа лестиице встретил рабочего с берданкой, ои переградил мие путь. Узнав, зачем я пришел—пропустил. На сцеие заседал ревком. Просмотрев представлеииый мною протокол и отиошение от об'единенного комитета, меия сечас же утвердили начальником вооружеииых сил райоча. Пришлось взяться за работу. Несмотря на две бессоииые иочи, начали постройку баррикад и окапывание улиц.

29-е, 30, 31 октября, 1-е и 2 иоября. Гул орудий, трескотия пулеметов, рабочие, ящики с виитовками, бомбы, сотии, тысячи рабочих, отправляющихся в цеитр под руководством солдат. Никитские ворота, Милютииский переулок, Смолеиский рыиок, трактир Романова, в котором помещался ревком городского райоиа и ревком Москвы, были цеитром активиых действий до вечера 2 иоября, когда было подписано перемирие, по условиям которого иадо было прекратить стрельбу, с 8-ми часов вечера. Коиоиада продолжалась до 2-х ч. ночи.

Утром 3 ноября приводятся в порядок вооружеииые силы. Производят выборы комиссара части. Все происходит как в тумаие от без сиа проведенных ночей.

Лег спать. Просиулся только в 2 часа дия 4-го иоября после 26-ти часового сиа. Суммирую мысли. Вокруг меня солдаты, иа лицах которых сияет радость, сменившая печаль, вызваииую подсчетом мертвых товарищей. Я понял, что сделаио: Великий Октябрь победил.

Г. Яцковский.

В бою.

Работала я в 1917 г. на военно-артиллерийском заводе. Боевой был наш завод. Славные ребята, старые подпольные товарищи руководили всей нашей жизнью. Буйные сцены происходили у нас каждый день между большевиками и остальными: разными меньшевиками и эсерами.

В отделе, где я работала, из 80-ти женщин большевичек было только 3 или 4. Только и было слышно по нашему адресу каждый день: „Выбросим вас на улицу“. Но мы не падали духом, поддерживаемые старшими товарищами, ругались, агитировали, сколько умели.

Так это шло до 24 октября. Накануне этого дня нам было приказано быть готовыми.

Собрались мы в театре „Олимпия“ на Александровской улице. Стали к нам поступать разные неясные извещения.

Знали и понимали только одно: решительная минута наступила. Так и было.

Ночью в центре города началась стрельба, и мы ожидали ее у себя. В первую ночь прикатил один грузовик с белыми, но после боя скоро уехал. Больше они в наш район не приехали, а главная борьба произошла в центре и Красной Пресне.

Стрельба не прекращалась. На другой день нас распределили по группам и пунктам: кто на заводе дежурить, кто на разведку, кто в санитарные отряды.

Должна отметить, что желающих принимать участие и помогать было столько, что очень много женщин отсылали обратно. Почти силой нужно было гнать. Каждая хотела помочь, даже многие из тех, кто раньше ругали большевиков.

Я нашла санитарный отряд и работала на улице вместе с санитарами, сначала на Неглинной, потом на Малой Бронной у Никитских ворот. Тут был жестокий бой с обеих сторон. Были минуты, когда невозможно было понять, в каком доме наши и где белые. Теперь, при воспоминании, становится жутко и радостно.

Но мы, как пролетарии, работали не только санитарками, мы ползали под перекрестным огнем, разнося патроны: товарищи сами не могли достать. В подвале одного загоревшегося дома были еще наши товарищи и порядочное число винтовок.

Тогда мы стали выносить здоровых под видом раненых, клали на носилки винтовки и накрывали шинелью, как будто человека. Одна даже пулемет таким образом вынесла. Потом белые заметили, что мы делаем и стали в нас стрелять. Одну ранили. Но мы свое делали. Товарищи были спасены, а белым пришлось отступать за Кудринскую площадь. Но там они настолько ослабли, что ясно было видно, что победа наша. Наши силы прибывали, и они сдались и заключили перемирие с нами.

Я работала механически, как, думаю, работало большинство. Усталости не чувствовала. Было ясно только одно—победа или смерть. Только на другой день после заключения мира, когда мы шли на Тверскую домой от Московского Совета я чувствовала, что ноги больше не слушаются. Но в душе была горда и очень рада. Сердце только болело за тех дорогих товарищей, которые лежали мертвыми.

А. И. Цецум.

Всехсвятско-Петровский район.

Всехсвятско-Петровский район в Октябре.

В 1917 году я жил во Всехсвятском районе, за Тверской заставой по Петроградскому шоссе, где имелось 7 более или менее крупных заводов (фамилии бывших владельцев: Кертинг, Ефремов, Изолятор, Мибров, Гербет, Моське, Оксиген), депо Виндаво-Рыбинской железной дороги и несколько мелких мастерских и садоводств. К нам присоединялась и Ходынка, Солдатенковская больница и казармы, представители которых входили в организованный нами Совет. Территориально район небольшой, но густо заселенный фабриками и заводами.

Прежде чем говорить об организационной работе Всехсвятского района, интересно упомянуть о первом митинге в этом районе, созванном кадетско-меньшевистско-эсеровским блоком.

Обширная изба земской управы. На трибуне стол и скамья. Народу полно. За столом инициаторы митинга—полковник Штейн (эсер), Часовников (кадет) и меньшевик (три отборных экземпляра). Председательствует Штейн. Не открывая собрания, предлагает сладко-вкрадчивым голосом заслушать доклады с мест:

»Ну, граждане, царя больше нет, теперь „мы" свободны, высказывайте, что у кого наболело.»

Молчат рабочие. Я окинул взглядом стены, увешенные царскими, княжескими и земскими дельцами, в золотых рамах, перевел взгляд на чистенький с перевязанным зеленой лентой рукавом и золотыми погонами, новенький мундирчик полковника. Так и закипело в груди. Я не сказал, а крикнул:

«Вы собрали рабочих в помещение, которое увешено ненавистными рабочему классу рожами».

Дальше я говорить не мог. Т. т. рабочие меня поддержали, начали снимать рамы и рвать портреты. Инициативная тройка, жалобно пропищав „пощадите хоть золотые рамы", — скрылась. Митинг был сорван. Говорить перед таким президиумом что-либо деловое—бесполезно. После этого, раза три созывались митинги, на которых выступал тов. Усиевич.

После митингов началась организационная работа. В этой же земской избе собираются представители от всех заводов, района и мелких мастерских. После краткого доклада, по распоряжению центра, организуется Совет керенских времен. Председателем Совета избирается товарищ Бабкин, рабочий с завода Кертинг. Совет собирался раз в неделю. Более передовые рабочие занимались организационными работами. Первым делом организовалась ячейка Рос. С.Д.Р.П. (б). Первым секретарем ее был товарищ В. Ермаков, с завода „Изолятор“; затем был организован рабочий кооператив, общество потребителей, народный, дом и т. д. К Октябрьской Революции Р.С.Д.Р.П. (б) была достаточно сильна и многочисленна.

Восьмимесячное хождение временного эсеровско-меньшевистского правительства по спинам рабочих к улучшению страны и быта рабочих не привело. Буржуазно-захватническая война не прекращалась. Дороговизна росла, Государственный станок и фальшивомонетчики не успевали выпускать достаточное количество керенок, они быстро теряли ценность. Рабочие следили за всем зорко и готовились к великим событиям. РСДРП (б) работала без отдыха, то и дело раскрывая лживость, мишурность Временного Правительства, подвергаясь за это репрессиям, вплоть до ссылок.

В 4 часа дня 24 октября 1917 года созывается заседание Совета. Товарищ из центра делает доклад о текущем моменте, о необходимости взять власть в свои руки рабочим. На пленуме большая часть присутствующих рабочих беспартийные, но они жадно, восторженно слушают оратора и решают стойко бороться за диктатуру пролетариата. Предлагается избрать революционный комитет. Он избирается из 5-ти товарищей и 2-х кандидатов—Бабкин, Белоусов, Шигаев, Бученков и я—председателем ревкома.

Вечером же ревком приступил к организации боевой дружины. В нее записывались т. т. с окружающих заводов и мелких предприятий. Огнем горели орлиные очи рабочих и крепко, до боли, сжимались мускулистые, мозолистые кулаки при словах «бить буржуев». Начальником дружины был назначен рабочий с завода „Изолятор,“ б. унтер офицер, славный и храбрый товарищ (он был убит в 20-м году на одном из фронтов). Набралось 90 человек—почти все беспартийные, но знавшие, какая партия стоит во главе их; знали они и за что они борятся; им было все об'яснено, а потому и их нельзя назвать иным именем, как „революционеры—большевики“.

Село Всехсвятское. В этом доме помещался Совет и военно-революционный комитет с. Всяхсвятского

Шляпников. Председатель военно-революционного комитета Всехсвятско-Петровского района.

Что же происходило в Москве в эту неделю борьбы с золотопогонниками? Прежде всего, добывалось оружие, строились баррикады, рылись окопы. Во Всехсвятском районе мы начали вооружаться за счет местной буржуазии, производя у последней обыски. Таким образом, нам удалось достать штук 15 револьверов разных систем. Этого было мало. Тогда один из красногвардейцев, мой однофамилец, не достигший еще 17 лет, несмотря на перестрелку, идущую в Петровском лесу, в первом часу ночи предложил свои услуги сходить в Бутырский ревком за оружием. Предложение его было принято и он благополучно возвратился оттуда, неся с собой 11 итальянских штыков. Московский ревком предоставил нам несколько винтовок старого образца. Из центра в наше распоряжение был выслан автомобиль-грузовик, на котором ездили товарищи зорко охраняя в‘езд и выезд по Петербургскому и Виндавскому шоссе.

Приблизительно 80 человек удалось вооружить. По просьбе Бутырского ревкома ему в помощь был выслан отряд в 30 человек. Часть т. т. несла караульную службу и охраняла район, часть—держала связь с близь лежащими Пресненским и Бутырским районами.

Во Всехсвятском районе переворот проходит спокойно. Охрана ни днем, ни ночью не спит, зорко за всем наблюдая, но богачи купцы, кулаки, во время царского правительства носившие на груди черносотенные значки,—притихли. Из центра доносится то ружейная стрельба, то шипящие полеты и уханье трехдюймовых снарядов. Сердце сжимается и замирает: много погибнет товарищей. Но грустные мысли сменяет радостная уверенность: А все-таки мы победим! И победили—пролетариат победил!

В Москве спокойно. Только изредка слышится отдельная слабая перестрелка. Хочется посмотреть на Москву после пролетарской победы над той буржуазией, которая, вместе с Керенским, еще 8 м-цев тому назад мечтала о буржуазной республике, дабы окончательно поработить пролетариат.

Но впереди много работы. По приказу Московского Совета необходимо организовать, на новых началах (избирается 1 представитель от 25 ч-к) Совет рабочих и солдатских депутатов; надо избрать исполнительный комитет из 12 человек (фамилии т. т., вошедших в 1-й исполком, следующие: Бабкин, Эгерь, Белоусов, Платонов, Ермаков, Терехин, Тихомиров, Бученков, Шигаев, Седышкин, Шляпников; фамилию 12-го товарища—забыл). На первом заседании Исполкомом был выделен прези-

диум, для постояниых работ, из 3-х человек: — т. Шляпникова (председатель), т. Бабкииа (зам. председателя) и т. Эгерь (секретарь).

Необходимо также упомянуть о тех крайне тяжелых условиях работы, в которые был поставлеи, в течеиие первых 3-х м-цев, Всехсвятско-Петровский райсовет. Дело в том, что земство, которым снабжался райсовет, с Октябрьского переворота перестало работать, а город ие успел еще принять иа себя его фуикций. Рабочие требовали от райсовета прод. сиабжеиия. Президиум райсовета обратился к городу, город посылал в Московскую земскую управу, последняя—в Московскую городскую управу. Однако, отовсюду поступали отрицательные ответы. Рабочее иаселение и 90 красногвардейцев, также требовавших хлеба, голодиые и подстрекаемые меиьшевиками, черносотеицами и эсерами,—волиовались.

Исполком, обсудив положеиие, по собствеииой инициативе, предпринял крайне рисковаииые шаги: на Виндаво-Рыбиискую ж. д. была послана комиссия с поручеиием—разыскать застоявшиеся вагоны с продоволяствием. В тупике, среди множества пустых вагоиов, был найден целый состав с продовольствием. Начальник ближайшего полустанка дать какие бы то ни было об'ясиение о том, кому принадлежит этот состав отказался. Я обратился по телефону к командующему Моск. Округом т. Муралову. Изложив ему критическое положение Всехсвятско-Петровского района я просил его разрешить воспользоваться продовольствием. Тов. Муралов разрешил, предложив 15 вагонов продтраиспорта переправить Красной Гвардии центра. Распоряжение т. Муралова было исполиеио. Положение района улучшилось. Излишек продовольствия был сдаи кооперативу.

На межрайонном заседании Московского Совета было постановлеио Всехсвятско-Петровский райои считать подрайоиом Бутырского райоиа, а через несколько м-цев был образоваи одии Всехсвятско-Бутырский райои.

Шляпников.

(Председатель Всехсвятского ревкома в октябре 1917 г.)

СОДЕРЖАНИЕ.

КАТАЛОГ

издательства Главполитпросвета

„Красная Новь“.

I. Популярно-марксистская серия.

Вышли из печати:

Девиль Г.—Научный социализм (перев. с франц. Н. Мещерякова).

Ленин Н.—Карл Маркс. Краткий биографический очерк с изложением марксизма.

Маркс К.—Наемный труд и капитал (перев И. Степанова).

Энгельс Фр.—Революция и контр-революция в Германии, с предис. И. Степанова.

Находятся в печати:

Ауэрбах. Маркс и профессиональные союзы.

Ленин Н. Государство и революция.

Луи Поль. История французской социалистической партии.

Энгельс Фр. Политическое завещание.

Готовятся к печати:

Беер М.—Карл Маркс его жизнь и учение.

Горнер К. Социал-демократия и коммунизм.

Лафарг П.—Экономический детерминизм К. Маркса.

Люксембург Р.—Коалиционная политика и классовая борьба.

II. Агитационно-пропагандистская серия.

Вышли из печати:

А. А.—Единый натуральный налог и скотоводство.

Ив. Алексеев-Небутев.—Из воспоминаний левого эсера. (Подпольная работа на Украине).

Антонов-Овсеенко.—Спешите на помощь умирающим от голода.

Антонов-Овсеенко.—Закрепим нашу победу!

Аржаной декрет.

Быстрянский.—Борьба за богатства мира.

Вардин.—Партия меньшевиков и русская революция.

„ —Политические партии и русская революция.

„ —Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты. (Факты и документы).

Голод и церковные ценности.

Горев.—Откуда неурожаи и голодовки.

Его же.—Церковные богатства и голод в России.

Государственный единый натуральный налог.

Грандов.—Госуд. труд-гуж-налог и крестьянство.

Зиновьев.—Единый рабочий фронт.

Ингулов.—Голод в цифрах. Вып. I и II.

К процессу правых эсеров.—Тезисы для агитаторов.

Красиков.—Кому помогают те, кто противится из'ятию церковных ценностей на хлеб для голодающих.

Ленин.—Международное и внутреннее положение РСФСР (доклад на IX Всерос. С'езде Советов).

Его же.—О знач. золота теперь и после полной победы социализма.

Ливенский—Продналог и голодающие районы.

Луначарский.—Кому принадлежит церковное имущество.

А. Лунин.—О делах Тихоновских. (Дело о сопротивлении из'ятию церковных ценностей в Московском Трибунале).

Майер.—Как сплавлять лес.

Материалы для агитаторов. По вопросу об из'ятии церковных ценностей для голодных.

Мещеряков В.—Партия эс-эров часть I и II.

Мещеряков Н.—На переломе

Моисеенко Н.—Единый натуральный налог и земля (пашня и сенокос).

Наука в Советской России.—Сборник.

Обвинительные речи на процессе эсеров.— К. Цеткиной, Луначарского, Крыленко, Покровского и др.

Партия эс-эров в Тамбовском восстании 1920—1921 гг.

Покровский—Противоречия г. Милюкова.

Процесс эсеров.—Речи защитников 2-й группы эс-эров: Бухарина, Членова, Конв, Биценко и речи подсудимых 2-й группы: Дашевского, Семенова, Коноплевой и др.

Попов.—Что должен знать каждый рабочий о процессе эсеров.

Приговор Верховного Револ. Трибунала над эс-эрами.

Радек.—Октябрьская революция и ее место в истории.

Раковский.—Кукуруза—наш спаситель.

Свидерский и Кочетов.—Закон о едином натуральном налоге.

Свиридович.—Готовься к сплаву!

Сонов.—Льготы по единому налогу.

Стеклов.—Партия социалистов-революционеров.

Торопов.—Единый натуральный налог и специальные культуры.

„ —Единый натуральный налог и право замены.

Шмераль.—Чехо-Словаки и эсеры.

Эволюция классов в русск. революции.—Сборник со статьями Н. Осинского Ю. Ларина, А. Хрищева.

Находится в печати:

Покровский. — Что установил процесс так называемых „социалистов-революционеров“.

III. Анти-религиозная серия.

Вышли из печати:

Степанов.—„Мысли о религии“.

В печати:

Браун.—Коммунизм и Христианство.
Степанов И.—„Мысли о религии" 2-е исправл. и дополн. издание.
Ческис.—Людвиг Фейербах и его дело.

Готовятся к печати:

Бебель А.—Христианство и социализм.
Горев М.—„Живая" церковь.

IV. Европа после войны.

Вышли из печати:

Иоффе.—Генуэзская конференция.
Майский.—Сов. Россия и капиталист. мир (Гаагская конференция).
Раковский.—Накануне Генуи.
Фостер.—Волны рабочей революции в Германии, Англии, Франции и Италии.
Шлихтер.—Наша соседка Финляндия.

Готовятся к печати:

Бронский.—$2^1/_2$ Интернационал.
Граше.—Чехо-Словакия.
Иорданов.—Балканский вопрос после войны.
Кан Герм.—Крушение капитализма.
Майский.—Современная Германия.
Мархлевский.—Современная Польша.
Нюренберг.—Мировая война, ее причины и экон. последствия.

V. Советское строительство и законодательство.

Вышли из печати:

Волин.—Государственное строит-во на IX Всерос. С'езде Советов.
Катаев.—Новая жилищная политика.
Приградов-Кудрин.—Что такое жилищные товарищества.
Семашко.—Охрана здоровья в новых условиях.
Шефлер.—Земельный вопрос на IX С'езде Советов.

Готовятся к печати:

Алексеев.—Указатель губерний и уездов РСФСР.
Кантор.—Что сделала Сов. власть для национальных меньшинств.
Кузовков.—Бумажные деньги, налоги и народное хозяйство.
Стопани.—Рабочее законодательство в Сов. России.

VI. Вопросы организации труда и хозяйства.

Вышли из печати:

Виноградов.—Пути восстановл. нар. хоз-ва РСФСР и электрификация.
Грацианов.—Возделывание озимой пшеницы и проса в Ю.-В. Поволжьи.
Грачев.—Топливо.
Гуревич.—Заработная плата прежде и теперь.
Девяткин.—Рабочий, иди в кооперацию!

Квчвев.— Как надо работать (живая машина).
Крумин.—Новая экон. политика в промышленности.
Лившиц.—Бюджетно-сдельная система оплаты труда.
Лэсс.—Профсоюзы и частные предприятия.
Мещеряков Н. Кооперация в Советской России.
Милонов.—Революция в технике.
Сарабьянов.—Промышленность.
Старк.—Что такое тресты и комбинаты.
Томский.—Профессиональные союзы на новых путях.
Ударов.—Рабочий кооператив.
Чвкин (Яроцкий.)—Работница и профсоюзы.

Находятся в печати:

Каплун С.—Охрана труда в новых условиях.
„ Охраняйте детский труд.
Сарабьянов.—Производственное просвещение.

Готовятся к печати:

Хлоплянкин.—Безработица и меры борьбы с ней.
„ Трудовые конфликты.
Шпильрейн.—Индустриальная психотехника.

VII. Методы политико-просв. работы, пособия и программы.

Вышли из печати:

Адоратский.—Программа по основным вопросам марксизма.
„ тоже. 2-е дополненное и переработанное издание.
Голант.—Букварь крестьянина.
Доблер и Слуховский.—О работе с передвижными библиотеками.
Завадовский.—Внешкольные биологические экскурсии.
„ Программа лекций по биологии.
Крупская.—РКСМ и бойскаутизм.
Покровский.—Библиотечная работа (о культурной и социальной работе в народной б-ке) издание 3.
Политико-просвет. работа в условиях НЭП'а.—Сборник под редак. Н. К. Ульяновой I и II издание.
Популярный политический словарь. Под общей редакцией Б. М. Эльцина.
Программа для советско-партийных школ 1-й ступени.
Работа драматического кружка в клубах РКСМ.
Работа хорового кружка в клубах РКСМ.
Сельско-хозяйственное просвещение в деревенском клубе, избе-читальне и народном доме.
Спутник делегата (Сборн. тезисов и докладов к 1-му Всероссийс. с'езду по ликвид. неграмотности).
Устинов.—Орфографический словарь.
„ Развитие речи. (К вопросу о методах занятий в школах взрослых и на командных курсах).

Находятся в печати:

Историч. хрестоматия под редакц. А. Д. Удальцова.
Кантор.—Пособие по политграмоте для лекторов и учащихся в советских школах (на еврейском языке).

VIII. Литературно-художественная серия,

Вышли из печати:

Иваиов Вс.—Бронепоезд № 14—69. Понесть.
» —Партизаны. Понесть.
Кряжии—Красный петух. Драма.
Люксембург—Короленко.
Неверов—Смех и горе.—Комедия.
Орешии—Микула. Позма.
« —На голодной земле. Поэма.
Пшибышевский.—Чтец-декламатор (на польском языке)
Сииклер.—Джимми-Хиггинс. (Иллюстр. издание).
Сосновский.—Рассея.

Находятся в печати:

Новиков-Прибой—Вековая тяжба и др. рассказы.
Орешии.—Челонек на льдине. Сборник рассказон.
Шенгели.—Броиеносец Потемкин.

Готонятся к печати:

Сииклер.—Бронзовый жетон.

Периодические издания:

Журиалы: Красная Нонь №№ 1—7.
Вестник Искусств №№ 1—5.
Коммун. Проснещ. №№ 1—3.
Долой неграмотность №№ 1—33.
Бюллетеиь книги № 1—2, 3—4.

К пятилетию Октябрьской революции.

Вышли из печати:

Б. Волии.—Декреты октября.
Октябрьское торжество в клубе.—Сборник.
Сборник материалов.—Октябрь на Пресне.
Сборник ЦК РКП.—«К октябрю».

Находятся в печати:

Сборник ЦК РКП.—Политика и экономика Р. С. Ф. С. Р. за 5 лет.
» Художественно-иллюстрированный сборник под редакцией Сосноиского.
Майский.—Внешняя политика Р. С. Ф. С. Р.—1917-1922 г.
Флеровский—Октябрьская революция и НЭП.
Тимирязев.—Наука в Р. С. Ф. С. Р. за 5 лет.
Сборник материалов.—Сокольники в октябре.

